ПРИГЛАШАЕМ В ГРУЗИЮ • გიწვევთ საქართველოში

ПОЗОР ПРОВОКАТОРАМ!

— Прекратить злодеяния! Наше терпение не беспредельно! Клика Мао Цзэ-дуна потворствует хулиганам!

Гневные эти слова звучат с трибун митингов протеста против разнузданной антисоветской пропаганды в Китае, хулиганских действий в отношении сотрудников посольства СССР в Пекине, других советских граждан. На этих митингах, проходящих в Москве и в разных городах страны, единодушно одобряется Заявление Советского правительства.

На снимке: митинг на Московском шелковом комбинате имени Свердлова.

Фото А. БОЧИНИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

45-й год издания

№ 7 (2068)

12 ФЕВРАЛЯ 1967

Руки прочь
от Советских
людей!

ЕДИНОДУШНО, ДОСТОЙНЫХ!

Народ наш в марте будет избирать Верховные Советы союзных и автономных республик, а также местные Советы депутатов трудящихся. В городах и селах идет выдвижение кандидатов в депутаты. Первые предвыборные собрания вновь и вновь свидетельствуют: советские люди тесно сплочены вокруг Коммунистической партии, единодушно одобряют и поддерживают ее политику, политику Советской власти. Как и прежде, блок коммунистов и беспартийных нерушим.

На предвыборных собраниях трудящиеся называют имена беспартийных и коммунистов, имена самых достойных людей, которые своим самоотверженным трудом, неутомимой общественной деятельностью верно служат народу, борются за его счастье, за процветание Отчизны.

Среди первых кандидатов в депутаты Советов с большим подъемом повсеместно названы руководители Коммунистической партии и нашего государства.

ТАК РЕШИЛА «КРАСНАЯ РОЗА»

— Замечательный мастер своего дела,— говорил о Лидии Матвеевне начальник цеха В. Г. Андрюшин.

Семнадцать лет назад робкой шестнадцатилетней девчонкой пришла Лида Рыбина на московский шелкоткацкий комбинат «Красная Роза». В техникуме она хорошо изучила механику станков, технологию ткацкого производства и стала подлинным мастером своего дела.

— Хороший товарищ, душевный человек,— так сказала ткачиха Л. Калугина.

...Был такой случай. Хуже стала работать одна ткачиха. Семейные неурядицы, настроение плохое. Поммастера решил уменьшить ей количество станков. Не справляется, мол. А Лида разобралась во временных неудачах подруги, пошла к начальнику цеха, поручилась за нее. Теперь та отлично работает.

— Принципиальность настоящего коммуниста отличает ее партийную работу,— говорит секретарь партбюро цеха Ю. П. Князев.

Об этом знают все. Недаром Лидия Рыбина была делегатом XXIII съезда КПСС.

— Считаем ткачиху Рыбину Лидию Матвеевну достойным кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Такое решение принял на предвыборном собрании коллектив комбината «Красная Роза».

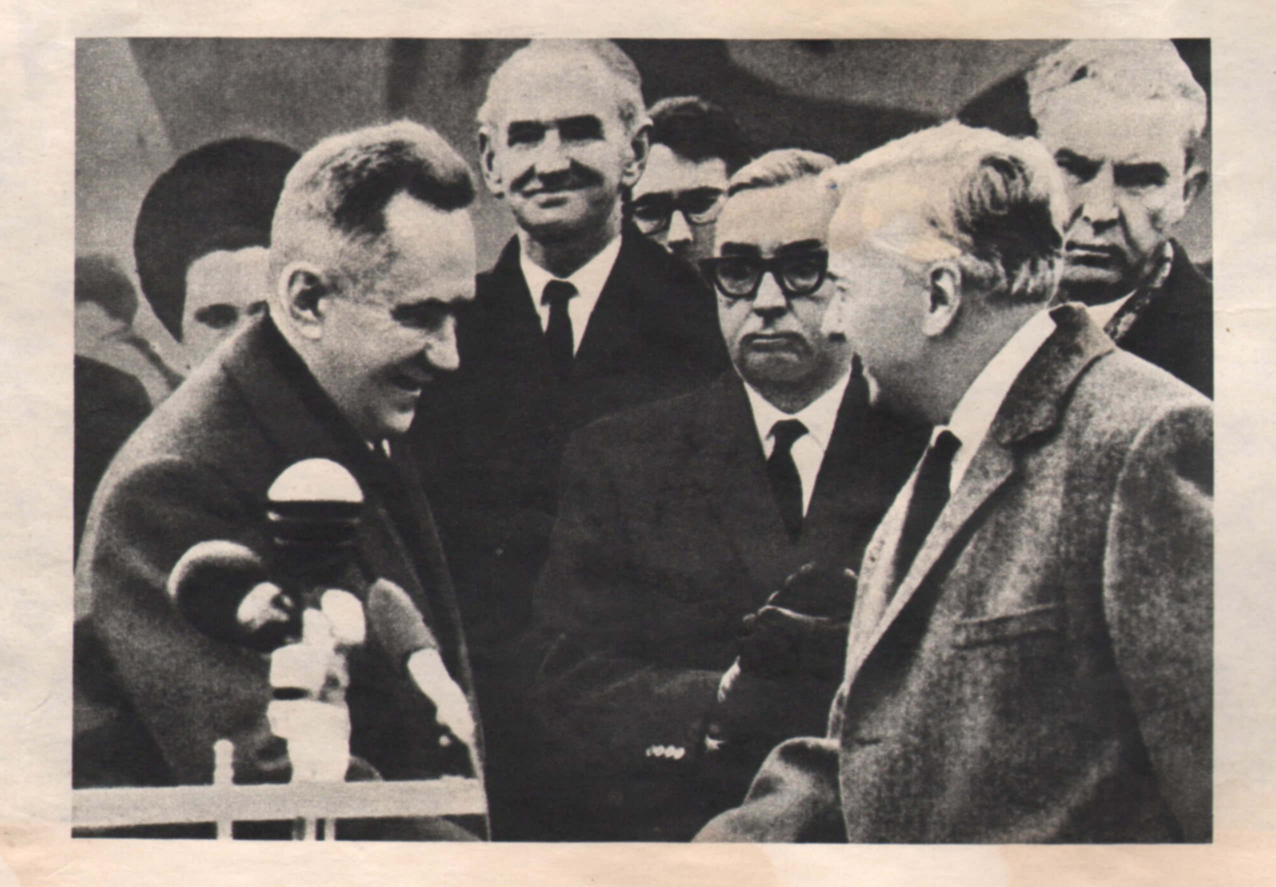
В. ТИХОМИРОВ

На снимке: Лидия Матвеевна Рыбина.

Фото автора.

А. Н. КОСЫГИН — ГОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

6 февраля в Лондон с визитом прибыл Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В аэропорту Хитроу главу Советского правительства встречали Премьер-Министр Великобритании Гарольд Вильсон и другие официальные лица.

Выступая с речью на аэродроме, А. Н. Косыгин отметил, что «развитие советско-английских отношений отвечало бы интересам международной разрядки, необходимость которой все больше осознается повсюду».

В этот же день советские и английские государственные деятели начали переговоры. В ходе этих переговоров обсуждались актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: А. Н. Косыгин и Г. Вильсон во время встречи на аэродроме Хитроу.

Фото ЮПИ—ТАСС.

ФЛОЙД РЕМП, ОТЕЦ НАДЕЖДЫ

Интересно, помнит ли кто-нибудь сейчас в деревнях под Кемеровом гостя из-за океана, который 44 года тому назад появился в Сибири с драгоценным по тому времени багажом? Он привез в подарок крестьянам мешок семян разных сельскохозяйственных культур. Щедрым гостем был американец по имени Флойд Ремп.

Впервые фермер из штата Орегон отправился в Россию по горячим следам революции. Он прибыл на Дальний Восток, как только оттуда изгнали интервентов. Мистеру Ремпу хотелось своими глазами увидеть революционную страну, хотелось понять, откуда черпает силу народ, который свергнул власть имущих и отстоял Родину от иностранного нашествия. Тогда Флойд Ремп пробыл в Советской России несколько месяцев и вернулся в Америку, глубоко убежденный в том, что Октябрьская революция непобедима и что первое в мире государство рабочих и крестьян построит светлую, счастливую жизнь. Когда у Ремпов родилась дочь, глава семьи назвал ее символическим русским именем — Надежда.

Поездка в Сибирь, под Кемерово, была вторым путешествием Флойда Ремпа в Страну Советов. На этот раз он полгода провел в русских деревнях. Встречался с людьми, присматривался к жизни одной из первых сельскохозяйственных коммун, посещал сельские сходки, помогал крестьянам добрыми советами. Он был простой хлебороб и знал толк в этом деле. И семена, привезенные им, пригодились сибирякам. Провожали его как друга. Американец уехал в Москву. Там его пригласили в Кремль. Он познакомился с Владимиром Ильичем Лениным. И когда у Флойда появился еще один ребенок — сын, отец дал ему славное имя: Ленин.

Геолог Ленин Ремп и сейчас живет в штате Орегон, у него четверо детей. Как заверяет Ремп-старший, сын его с достоинством носит свое имя. Надежда Ремп тоже вырастила четверых. И у младшего ее сына, которого зовут Марти-Рид, четверо детей. Имя младшего — дань уважения к Джону Риду, автору книги «Десять дней, которые потрясли мир». С женой Рида, Луизой Брайант, Флойда Ремпа связывала давняя, еще с университетских времен, дружба.

Недавно Флойд Ремп — сейчас ему 83 года — третий раз посетил Советский Союз. Его приветливо, сердечно встречали во многих наших городах. Побывал Флойд Ремп и у нас, в Киеве: здесь и рассказал он о себе, о своих детях и внуках.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Киев.

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА СТАНЦИИ МАНЬЧЖУРИЯ

РАССКАЗ НАЧАЛЬНИКА ПОЕЗДА МОСКВА — ПЕКИН А. КУЖЕЛЕВА

Антисоветская пропаганда приобретает в Китае все большие масштабы. Газеты сообщают о возмутительных действиях китайских хунвэйбинов против советских дипломатов. Сегодня «Огонек» рассказывает еще об одном факте, характеризующем разгул антисоветской истерии в Китае. Наш корреспондент обратился к заместителю начальника Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР Вениамину Арсентьевичу Козак с вопросом: как работают наши железнодорожники на линии Москва — Пекин!

— Лучшим ответом на этот вопрос,— сказал В. А. Козак,— является сообщение, как говорится, из первых рук. Мы получили доклад начальника поезда Москва — Пекин А. М. Кужелева.

— По прибытии на станцию Маньчжурия 1 февраля нас встретили около 200 хунвэйбинов. Они неистово кричали и расклеивали на наших вагонах листовки разных размеров. По пути следования на станциях Чань-Чунь и Шень-Янь хунвэйбины стучали по вагонам кулаками, выкрикивали антисоветские лозунги, не давая пассажирам покоя. На обратном пути из Пекина к поезду снова подошли около 60 хунвэйбинов и в четыре ряда наклеивали на вагоны антисоветские листовки. На пути следования до станции Маньчжурия все это не раз повторялось.

Когда мы прибыли на станцию Маньчжурия, я заявил начальнику станции протест. Он отказался принять этот протест и грубо ответил, что китайский народ против ревизионистов и заботиться об их вагонах не будет. Тогда я сказал: «До тех пор, пока вы не приведете вагоны в надлежащий вид, состав будет стоять на станции Маньчжурия». Мне угрожали, что вся ответственность за последствия ляжет на меня как на начальника поезда. Потом китайцы три раза пытались самовольно отправить состав. Но наши проводники каждый раз срывали стоп-кран. Тогда китайцы решили выключить автотормоза и отправить состав на ручных тормозах, но мы не позволили им этого сделать.

Позже на станцию Маньчжурия приехал начальник станции Забайкальск товарищ Кордыш. Опять начались долгие дебаты. В присутствии начальника станции Маньчжурия, его заместителя, начальника вокзала и еще двух китайских работников мы с Кордышем вновь заявили: «Наши вагоны в Китай пришли чистыми, и мы требуем отправить их через границу такими же». В ответ китайские железнодорожники стали кричать на нас: «Если вы не соглашаетесь отправиться в таком виде, значит, вы ревизионисты». Мы снова заявили решительный протест и ушли.

При выходе из кабинета (я был вместе с проводником вагона Владимиром Петровичем Летниковым) нас окружили хунвэйбины и начали давить со всех сторон. При этом они кричали, размахивали кулаками перед самым лицом. Да и не только размахивали: Летникова ударили в нос, а меня по лицу. И дважды. До вагонов оставалось не более двух метров, но они нас столь плотно окружили, что мы не могли попасть в вагон. Так продолжалось минут двадцать. После этого мы с трудом пробрались в вокзал и зашли в какую-то пустую комнату. Хунвэйбины открыли дверь этой комнаты и продолжали кричать. Начальник вокзала переводил мне их выкрики: «За зло отомстим злом», «Кровь за кровь», «Долой ревизионистов» и т. д. С трудом мы наконец добрались до своих вагонов. Но и тут не обошлось без встречи с хунвэйбинами, которые снова пытались нас окружить. Однако я успел вскочить в вагон, потом вместе с проводниками нам удалось вырвать из рук хунвэйбинов и втащить в тамбур Летникова.

Мы заперлись в вагоне. Хунвэйбины часа через два разошлись, затем снова вернулись с барабанами и привели человек 500. Они несли портреты Мао Цзэ-дуна и антисоветские плакаты. Хунвэйбины обошли вокруг поезда несколько раз и после окончания этой церемонии разошлись.

Исполняющий обязанности начальника станции Маньчжурия Ли нас снова пригласил к себе в кабинет. Но я отказался идти и позвал его к себе в вагон. Ли пришел вместе с переводчиком и еще с четырьмя китайцами. Они заявили, что будут проводить в жизнь идеи Мао Цзэ-дуна.

Все пассажиры, едущие в наших вагонах — корейцы, болгары, вьетнамцы, поляки, шведы, советские специалисты,— были возмущены хулиганскими выходками хунвэйбинов на станции Маньчжурия.

* * *

Со станции Забайкальск нам сообщили, что поезд Москва — Пекин, обезображенный хунвэйбинами, приводится в порядок и скоро прибудет в Москву.

Игорь **МИНУТКО**

Фото А. УЗЛЯНА.

— НЕТ, ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ — ЧУВАШСКУЮ МЕДИЦИНУ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ. В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ОБЫЧНО ГОВОРЯТ ЯЗЫКОМ ЦИФР. ДО РЕВОЛЮЦИИ В ЧУВАШИИ БЫЛО 19 БОЛЬНИЦ НА 489 МЕСТ И 22 ВРАЧА. СЕГОДНЯ — 133 БОЛЬНИЦЫ НА 9 905 МЕСТ И 1 395 ВРАЧЕЙ.

Так говорил нам министр здравоохранения Чувашской АССР И. Филиппов. И еще он дал совет:

— Поезжайте в Тойси. К Вере Федоровне Никитиной. Она ничем особенным не знаменита. Но по тому, как величают ее в селе, можно судить о многом. А называют ее...

Медсестра Галя Кошкина влетела в кабинет.

— Вера Федоровна! Женщину привезли. Без сознания...

— Что с ней?

— Не знаю. Возчик-парнишка трясется от страха. Говорит, всю дорогу кричала, бредила.

Знакомый холодок сжал сердце. Вот так всегда. Невозможно привыкнуть. Привозят тяжелобольного, и в первые минуты вдруг чувствуешь себя беспомощной. Будто ты не врач.

Женщина лежала на телеге, накрытая овчинным тулупом. Волосы прилипли к потному лбу, еле заметно вздрагивали губы. Вера Федоровна сразу узнала ее: Секине Муфтахова.

— Девочки, быстрее...

Осмотрела больную. Все ясно. Септическое состояние. Начинается заражение крови.

«Что делать? Прежде всего переливание».

Принято решение, и сразу приходит уверенность. Медсестры понимают ее с полуслова.

...Пульс стал глубже, ровнее. Но сознание не возвращается.

«Что еще предпринять? Нужен совет, помощь специалиста. Ведь я педиатр...»

Она идет к телефону, вызывает районную больницу.

— Девушка, милая, скорее,— торопит телефонистку, а сама смотрит в окно и думает: самолет сегодня не сядет. Погода нелетная.— Батыревская больница? Срочно...

Через полчаса, через час придет помощь. «Газик» районной больницы прорвется, должен прорваться через весеннее бездорожье. Приедет Дарья Александровна Воробьева, опытный терапевт.

«Только бы не застряла машина»,— думает Вера Федоровна Никитина, главный (и пока единственный) врач Тойсинской колхозной больницы.

...Тойси. До ближайшей железнодорожной станции — города Канаш — шестьдесят километров. Районный центр Батырево хоть и рядом, но порой добраться до него очень даже непросто: весной и осенью дорога раскисает, зимой — снежные заносы. А больничная жизнь идет своим чередом.

— Вера Федоровна, мужчине, тому, что из Буланова, хуже стало.

И она спешит в палату, потом заканчивает прием в поликлинике, которая занимает левое крыло больницы. Сегодня особенно много пациентов. Вот эта мама с сыном — двадцать первая.

— Доктор, зубки не растут у нас. Два передних — и все.

— Сейчас посмотрим...

...Прошло два часа, а машины нет. «Неужели застряли?»

Прием окончен. Вера Федоровна сидит у постели Секине. Пульс ровный, но слабый, очень плохого наполнения. Чуть-чуть порозовели щеки. Не возвращается сознание. А машины все нет. «Что же еще? Кажется, сделано все, что в наших силах».

...Это было в раннем детстве. В воспоминания Веры Федоровны входит женщина в белом халате. Фельдшер Анисья Герасимовна. В избе начинает резко пахнуть лекарствами. Вся семья болеет трахомой. Над Верой склоняется доброе морщинистое лицо. Осторожно, почти невесомо помазок касается воспаленных век. «Беда мне с вами,— говорит старая женщина.— Разве одной управиться во всех деревнях?» Становится легче, боль утихает. Засыпая, Вера думает: «Вырасту, окончу школу и выучусь на доктора. Обязательно стану доктором. У нас никто не будет болеть трахомой...»

...У ворот больницы останавливается «газик». Наконец-то!

— Здравствуй, Верочка! Еле добралась. Ну, что у тебя стряслось?

— Вот, Дарья Александровна, смотрите.

Доктор Вера Федоровна Никитина.

Через несколько минут больную несут к машине.

— Молодец,— говорит Дарья Александровна.— Все правильно сделала. Очень тяжелый случай.

— Дарья Александровна, как доедете, позвоните.

— Хорошо, Вера. Позвоню.

Она выходит за ворота проводить машину. Горячо припекает солнце. Сошел весь снег. Лучше бы подморозило...

Перед ней больница, без которой она не мыслит теперь своей жизни. Одноэтажное белое здание в виде буквы «П». Вокруг молодой сад. Это она придумала — разбить под окнами сад. А несколько лет назад на этом месте было голое поле.

...В школе на выпускном вечере председатель колхоза Михаил Герасимович Долгов напутствовал ее:

— Поезжай, Вера, мы посылаем тебя в медицинский институт по нашей колхозной путевке. Мы верим в тебя. Нам очень нужны свои врачи. А я тебе обещаю: вернешься — в Тойси будет новая больница.

Казань. Шесть студенческих лет. Она получила диплом врача-педиатра и вернулась домой. В Тойси. Председатель сдержал слово: больница готова, одна из первых больниц в Чувашской республике, построенных на колхозные средства.

...Уже вторая половина дня. Пора на вызовы.

«А Дарья Александровна все не звонит. Как там?»

Сегодня пять вызовов. И в разные концы. Девять деревень в колхозе «Гвардеец». И из соседних артелей приходят звать к больным. Разве врач может отказать? В любую погоду: в дождь по расползшейся дороге, в пургу, когда в снежном вихре из саней не видно даже лошади. А то и пешком приходится. Ну, а на машине — медицинском «Москвиче» — только по сухим летним дорогам. Нет, где-то не додумали. Надо же, посылать в сельские больницы «Москвичи»! Полгода стоит, отдыхает. Маленький, изящный и... бесполезный. Вот если бы «газик». И если бы не проблема штатов. Пока она одна. Приходится быть мастером на все руки: гинеколог, терапевт, невропатолог... Слишком много для одного человека. Тойсинской больнице нужны еще три врача. Но не едут почему-то. Говорят, в больших городах врачи кое-где работают и на полставки. Лишь бы не уезжать. Пугает сельская глубинка. Но ведь тут работы непочатый край, самое широкое поле для практики. Что еще нужно для врача? Если, конечно, человек медик по призванию, а не по диплому. Пугают бытовые неудобства? В двухэтажном доме, что построен рядом, пустует четырехкомнатная квартира со всеми коммунальными благами, ждет жильцов. Коллеги, отзовитесь!

...Она вернулась в больницу поздно вечером.

— Звонили?

— Да, Вера Федоровна. Главврач звонил, Геннадий Васильевич. Сказал, Муфтахову отправили санитарным самолетом в Чебоксары. Состояние удовлетворительное. Но очень трудный случай. Вас, Вера Федоровна, хвалил. Сказал, если бы не вы...

— Ладно,— перебила она.

...Разгар лета. Буйно цвел хмель. Теплые дожди шумели над зелеными пшеничными полями. В такой яркий денек в кабинет Веры Федоровны вошла женщина.

— Здравствуйте, доктор... Вот пришла.

— Секине! Поправилась?

— Здорова. Уж не знаю, как благодарить вас.

И заплакала Секине Муфтахова...

Это было прошлым летом. А сегодня пурга и мороз. И опять срочный вызов.

Сегодня в больнице неприемный день.

О, Я СУМЕЮ УМЕРЕТЬ ЗА НИХ!

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. П. ШМИДТА

Профессор С. ИЗБАШ

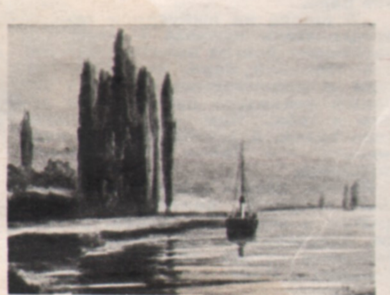
Мало кто знает, что Петр Петрович Шмидт был и художником. На последней странице обложки — репродукции двух его картин, любезно предоставленных редакции семьей профессора С. В. Избаша. Где писались эти картины, установить не удалось.

П. Шмидт — капитан океанского судна. Снимок публикуется впервые.

Памятник очаковцам в Севастополе.

Моя мать, Анна Петровна Избаш, приходилась родной сестрой Петру Петровичу Шмидту. Память о нем свято хранилась в нашей семье. В гостиной на стене висел большой портрет Шмидта и написанные его рукой картины, на которые мы, дети, всегда смотрели с восторгом.

Бывало, вечерами мать доставала из черного саквояжа, принадлежавшего Шмидту, вещи брата, переданные ей после казни, и взволнованно читала нам рукописи Петра Петровича.

Из воспоминаний матери перед нами вставал прекрасный образ лейтенанта Черноморского флота, руководителя Севастопольского восстания 1905 года.

...В Морском училище юноша, восприимчивый и чуткий ко всем несправедливостям и страданиям людским, живо интересуется общественными науками. Читает много книг, ищет в них ответы, как он говорил, «на мучительные вопросы, разрешения которых требовало оскорбленное чувство правды и справедливости».

Много позже в рукописи, написанной в заключении и подаренной сестре после первого их свидания в каземате Очаковской крепости, Шмидт писал:

«Я с очень молодых лет был горячим сторонником социалистической формы общественности, но это были идеалы молодости, они опирались только на требования правды и справедливости в людских отношениях...

Кто же прикоснулся умом и душой к социализму как к великой исторической неизбежности, как к точной научной истине, тот останется борцом за эту идею навсегда, тот не оторвет глаз своих от горизонта, на котором уже видится свет грядущей правды».

После производства в офицеры Шмидт служил на Балтийском флоте, затем в Тихоокеанской эскадре и, наконец, ушел в далекие плавания на океанских транспортах.

Вернувшись весной 1905 года в Севастополь, Шмидт пытается создать «союз офицеров — друзей народа», но скоро убеждается в тщетности этих попыток.

После кровавой расправы над «потемкинцами» в среде севастопольских матросов, солдат крепости и портовых рабочих созрела

ПРИМЕЧАН К ПО

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Когда Л. Штейн после короткой ничьей с А. Суэтиным в последнем туре набрал 13 очков, зрители ждали, что имеющий 12 очков Е. Геллер попытается догнать своего грозного соперника Л. Штейна. Но, к общему удивлению, Е. Геллер, играя со Смысловым, через каких-то 10 минут также предложил ничью. Геллер не решился пойти на риск, который мог лишить его места в первой четверке.

Прав Таль, который считает, что не следует проводить чемпионат страны и одновременно отборочный турнир для претендентов на титул чемпиона мира. Это обстоятельство требует от участников удвоенной дозы умственного и физического напряжения и в большой степени снижает творческие достижения.

Так или иначе, но турнирная таблица заполнена. Сыграны 210 партий. Итог 117—93 в пользу ничьих. Высокий процент ничьих характерен для отборочных турниров, но никак не для чемпионатов страны.

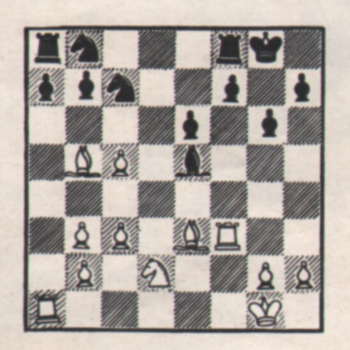
В отборочных турнирах участники от начала до конца занимаются калькуляцией, арифметикой,— ведь для выхода в четверку надо иметь «плюс 5». 5 партий выиграть и остальные свести вничью. Этот расчет оказался правильным и на этот раз. Но как выиграть пять партий и не проиграть ни одной?

Д. Бронштейн правильно полагал, что для этого надо хорошо стартовать и удачно финишировать. Но Бронштейн забыл, что очень важна и середина турнира. А в миттельшпиле Бронштейн потерпел несколько неудач, и после 16 туров надежды московского гроссмейстера на выход в четверку окончательно рухнули. В такой момент трудно не расстроиться, но, с другой стороны, наступает и успокоение: ведь теперь-то опасаться больше нечего, можно просто поиграть в шахматы.

Психологически очень интересно, что именно в этот момент полнейшего краха всех надежд Д. Бронштейн дал партию, которую жюри (в его составе был сильнейший среди зрителей — М. Таль) признало лучшей в турнире.

Приводим вторую часть этой партии.

Ю. Николаевский

Д. Бронштейн

Последовало: 18. Cb5—a4 Ce5—g7 19. Kd2—c4 Kb8—a6 20. Kc4—d6 Лa8—b8 21. b3—b4 b7—b6 22. Ca4—c6 Лb8—d8 23. Cc6—b7 b6 : c5 24. b4 : c5 Ka6—b8 25. Лa1 : a7 Лd8—d7 26. Cb7—c8 Лd7—e7 27. Ce3—g5 f7—f6 28. Cg5—e3 Kb8—c6 29. Лa7—b7 h7—h6 30. b2—b4 f6—f5 31. b4—b5 Kc6—d8 32. c5—c6 e6—e5 33. Ce3—b6 e5—e4 34. Лb7 : c7 Лe7 : c7 35. Cb6 : c7 e4 : f3 36. Cc7 : d8 Cg7 : c3 37. Cd8—e7 Cc3—d4 + 38. Kpg1—f1, и Николаевский сдался.

М. Тайманов в семнадцатый раз участвовал в первенстве страны. У гроссмейстера-пианиста отличная память. Если Тайманов утверждает, что ему не вспомнить чемпионата, который протекал бы так напряженно до последней минуты, то ему можно поверить.

Особенно волнующим был финиш, пять последних туров, до предела насыщенных неожиданностями и драматизмом. И виновниками этого оказались не лидеры, а аутсайдеры. Большинство партий лидеров протекало под знаком соблюдения обоюдного нейтралитета, за исключением одной партии, которая решала уж слишком многое. Я имею в виду партию из 19-го тура между Л. Штейном и А. Лейном.

В этой встрече мы видели спокойного, уверенного, мощно играющего чемпиона СССР и шахматиста-пессимиста А. Лейна. Когда Лейну в Тбилиси задавали вопрос: «Как дела?» — он обычно отвечал: «Плохи мои дела». «Но почему же, ведь вы лидируете?» «Да, но ведь не может же это продолжаться все время, должны же наступить и плохие дни». Что же удивительного в том, что эти дни для Лейна настали?

Вот еще одна психологическая загадка: перед нами шахматист, который за три тура до окончания турнира был сломлен своим же собственным успехом. Лейн мечтал только о ничьей со Штейном. Как показывает практика, такая мечта — самый верный путь к проигрышу.

еще большая ненависть к самодержавию. Это настроение крепло с каждым днем и тесно связывалось с событиями осени 1905 года в Петербурге. Когда в Севастополе стало известно о царском манифесте 17 октября, П. П. Шмидт выступил на огромном митинге с призывом отстаивать гражданские права. Последовавшая за митингом демонстрация была расстреляна. Это вызвало новую волну митингов. На похоронах жертв расстрела Шмидт снова выступил с яркой речью, за что и был в тот же день арестован. В ответ на этот арест рабочие Севастополя избрали его своим «пожизненным депутатом».

«...Выше этого звания нет на свете,— узнав об этом, говорил он друзьям и сыну.— Рабочие сумели снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне товарища, друга. Они никогда не пожалеют о том, что выбрали меня пожизненным депутатом! О, я сумею умереть за них!»

И Шмидт, верный революционному долгу, пришел по зову восставших, чтобы участвовать в заранее обреченном деле.

«Когда я вступил на палубу «Очакова»,— вспоминал Шмидт,— то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера,— безбронного, с машиной, которая едва могла дать 8 узлов ходу, и без артиллерии, так как имелось всего две рукоятки от 6-ти дюймовых орудий, остальные орудия действовать не могли.

Я понимал всю беспомощность крейсера, неспособного даже к самообороне, а не только к наступательным действиям, неспособного даже уйти от опасности.

Эскадра же, большинством своих матросов сочувствовавшая восставшим, была разоружена до моего приезда на «Очаков», стало быть, и тут нельзя было ждать никакой боевой силы, нужной для вооруженного сопротивления. В казармах тоже почти не было оружия, что мы знали. И я знал, что не дальше как завтра будет начата бойня, будет открыт артиллерийский огонь по казармам, что это страшное злодеяние уже подготовлено...»

И как протест против ожидавшегося массового убийства на «Очакове» под звуки оркестра было поднято громадное красное знамя и сигнал: «Командую флотом. Шмидт».

В ответ подняли красные флаги в Морской дивизии, в казармах и на некоторых миноносцах. Остальная часть эскадры к восстанию не присоединилась.

Видя это, Шмидт перебрался на контрминоносец «Свирепый» и пошел вдоль линии судов, громко призывая эскадру поднять красные флаги. Откликнулись на призыв лишь разоруженные «Потемкин» и несколько небольших судов.

А потом провокаторский выстрел канонерской лодки «Терец», залпы «Ростислава», измена крепостной артиллерии, измена Брестского полка и небывалый ураганный огонь всех броненосцев и крепости по беззащитному «Очакову».

Почти в бессознательном состоянии Шмидт был подобран из воды и поднят на миноносец № 270. В миноносец попал снаряд, и он остановился...

Шмидта с сыном арестовали. Он мужественно вынес злобные надругательства «победителей», следствие, на котором, спасая жизни товарищей, принимал всю вину на себя, заключение в каземате, суд...

В письме из Очаковской крепости он писал сестре, организовывавшей адвокатскую защиту подсудимых:

«Не меня судить они будут. Россию судить со мной хотят военно-морским судом. Великую тяжелую народную борьбу за право на жизнь хотят оценивать статьями свода военно-морских законов! Где же здравый смысл во всем этом? Если они пошли открытой войной на русский народ, то зачем же суд? К чему эта комедия?..»

В своем последнем слове на суде, ожидая смертный приговор, Шмидт говорил:

«Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу, как на молитву...

Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию.

Великая радость и счастье наполняет мне душу, и я приму смерть!»

● БОГАТЫРЬ ДЛЯ «РОДИНЫ»

Машиностроительный завод имени 15-летия комсомола Украины не зря прописан в Донецке. Он давний друг горняков. Не только украинских и не только шахтеров нашей страны. Изделия его охотно покупают многие зарубежные фирмы.

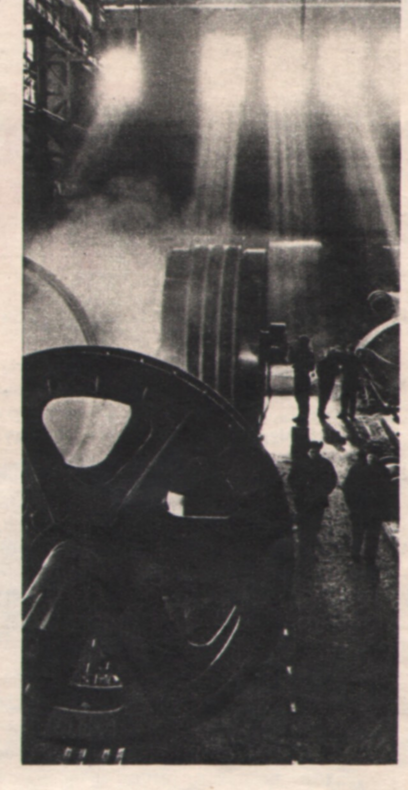
Вероятно, слово «изделия» не очень подходит к выпускаемым тут мощным шахтным подъемным механизмам, горным машинам, роторным экскаваторам. Последние настолько велики, что окончательную сборку приходится вести на заводском дворе. И все-таки эти громады хочется называть изделиями, потому что славятся они высоким качеством, ювелирной точностью и смелостью конструкторского решения.

Гордость завода — многоканатные подъемные машины, детали которых вы видите на нашем снимке. Диаметр этих колес — 4 метра. С их помощью можно поднять двадцатипятитонный груз с глубины 1 200 метров. Одна такая машина заменяет два барабанных подъемника, габариты которых вдвое больше.

Сейчас конструкторы завода создают очередную уникальную новинку специально для строящегося в Криворожье мощного рудника «Родина». Новая машина сможет поднять 50 тонн с глубины 1 600 метров. Это будет богатырь, которому нет пока равных. К 50-летию Октября конструкторы решили закончить технический проект.

О. ВАСИЛЬЕВ

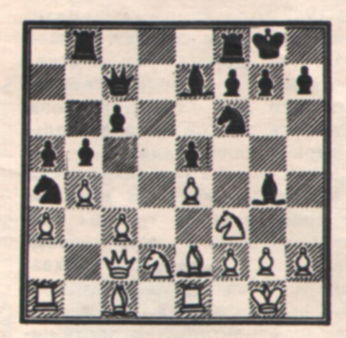
Фото Н. Козловского.

ИЯ ... БЕДЕ

Приводим часть партии, решившей успех Леонида Штейна в этом турнире.

Л. Штейн

А. Лейн

Последовало: 16. c3—c4?.. (этим ходом Лейн был очень доволен, но скоро он убедился в том, что именно этот ход является причиной его дальнейших затруднений и, строго говоря, в нем кроется основная причина поражения. Лучше было 16. Kb3.)

16... a5 : b4 17. Ce2—f1 Лf8—c8 18. c4 : b5 c6 : b5 19. Фc2 : c7 Лc8 : c7 20. Kf3 : e5 Cg4—e6 21. Ke5—d3 b4—b3 22. e4—e5 Kf6—d7 23. Лa1—b1 Ka4—c3 24. Лb1 : b3 Ce6 : b3 25. Kd2 : b3 Kd7—f8 (Штейн почти форсированно опроверг 16-й ход белых. Чемпион страны убедительно реализует материальное преимущество.) 26. Kb3—d4 Лb8—a8 27. Kd3—b4 Kf8—e6 28. Kd4 : e6 f7 : e6 29. g2—g3 Лa8—a4 30. Kpg1—g2 Ce7 : b4 31. a3 : b4 Лa4 : b4 32. Cc1—a3 Лb4—b3. 33. Ca3—d6 Лc7—f7 34. Лe1—a1 g7—g6 35. Лa1—a8 + Kpg8—g7 36. f2—f4 Kc3—e4 37. Cf1—e2 Ke4 : d6 38. e5 : d6 Лf7—d7 39. Лa8—a6 Kpg7—f6 40. Kpg1—f2 b5—b4, и через несколько ходов Л. Штейн сломил бесполезное сопротивление противника.

Некоторые участники старались придерживаться такой тактики: не трогать сильных и побеждать слабых. Но подобная тактика в чемпионате СССР обречена на неудачу, ибо это турнир без слабых. Эти так называемые слабые, как мы уже писали, и дали тон финишу и особенно проявили себя в предпоследнем туре крушения трех лидеров. Ю. Николаевский окончательно решил проблему Лейна, а Н. Крогиус и А. Гипслис потерпели поражения от Е. Васюкова и В. Дорошкевича.

Гипслис потерпел сенсационное поражение в партии, которая имеет теоретическое значение. Этот шахматист — почти живая энциклопедия — был очень удивлен, когда в известной позиции Дорошкевич вдруг принял предложенную жертву фигуры. Ведь по теории пожертвованного слона нельзя брать. Мы приводим всю эту партию до перерыва, когда победа Дорошкевича уже не вызывала сомнений.

1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—b4 4. Фd1—c2 c7—c5 5. d4 : c5 0—0 6. Cc1—f4 Cb4 : c5 7. Kg1—f3 Kb8—c6 8. e2—e3 d7—d5 9. a2—a3 Фd8—a5 10. Лa1—d1 Лf8—d8 11. Kf3—d2 d5—d4 12. Kd2—b3 Фa5—b6 13. Kc3—a4 Cc5—b4 + 14. a3 : b4... (Чемпион мира Т. Петросян во встрече с А. Лутиковым отказался от принятия жертвы, и игра закончилась вничью. Дорошкевич, на беду Гипслиса, слона все же берет и доказывает, что атака черных не так уж страшна, как она на первый взгляд может показаться. Вот вам и теория...) 14...Фb6 : b4 + 15. Kb3—d2 Фb4—a5 16. b2—b3 Kc6—b4 17. Фc2—b1 b7—b5 18. Ka4—b2 Cc8—b7 19. f2—f3 e6—e5 20. Cf4—g5 d4 : e3 21. Cg5 : e3 e5—e4 22. Cf1—e2 e4 : f3 23. Ce2 : f3 Cb7 : f3 24. g2 : f3 Лd8—e8 25. Kpe1—f2 Лe8 : e3 26. Kpf2 : e3 Фa5—b6 + 27. Kpe3—e2 Лa8—e8 + 28. Kpe2—f1 Фb6—e3 29. Лd1—e1 Фe3 : d2 30. Лe1 : e8 + Kf6 : e8 31. Фb1—e1 Фd2 : e1 + (Атака черных отбита, и белые легко побеждают.) 32. Kpf1 : e1 b5 : c4 33. b3 : c4 Kpg8—f8 34. Kpe1—d2 Kpf8—e7 35. Kpd2—c3 Kb4—c6 36. Kb2—d3 Ke8—d6 37. Лh1—a1 a7—a5 38. Лa1—e1 + Kpe7—f6 39. Лe1—b1 Kd6—c8 40. Лb1—b5 Kc8—e7 41. Kd3—c1, и через несколько ходов черные сдались.

В самом последнем туре лидеры проявили максимум осторожности. Только Н. Крогиус попытался броситься на В. Осноса, но эта попытка кончилась неудачно, ибо Оснос до последней минуты чемпионата остался верен себе: Н. Крогиус стал его четвертой гроссмейстерской жертвой. В. Корчной под занавес едва не схватил первый ноль от Ю. Николаевского, но шестнадцатая ничья (!) дала ему возможность все же зацепиться за подножку вагона Тбилиси — Тунис.

Имена двух пассажиров в Тунис известны: Л. Штейн и Е. Геллер. Фамилии двух остальных попутчиков определятся лишь в добавочное время, в матч-турнире между В. Корчным, М. Таймановым, А. Гипслисом.

Итак, 32-летний чемпион СССР Л. Штейн с блеском сумел повторить свои прошлые успехи и стал обладателем третьей золотой медали чемпиона СССР. Никого не удивляет большой успех Е. Геллера, который очень ровно провел весь чемпионат.

Разумеется, самая большая сенсация чемпионата — неудачи экс-чемпиона мира В. Смыслова. Результаты В. Смыслова и Л. Полугаевского еще раз подчеркивают, что чемпионат страны настолько силен по своему составу, что в нем от неудачи не застрахован никто.

Если многих огорчают неудачи В. Смыслова, то всех радует успех самого молодого участника чемпионата В. Савона. Оказаться в компании с В. Смысловым и Р. Холмовым — отличный итог.

Если сказать, что турнир дал много интересных партий, богатый урожай для анализа, то это будет лишь прописной истиной. Разумеется, было сыграно много интересных партий, но качество и этих партий могло бы быть значительно выше, если бы чемпионат страны не был бы одновременно и отборочным турниром. Об этом стоит подумать!

СЛОВО ИМЕЕТ ГРУЗИЯ

ИНТЕРВЬЮ
С КАНДИДАТОМ
В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ
ЦК КП ГРУЗИИ
В. П. МЖАВАНАДЗЕ

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Вопрос.

— Известно, что в Грузии Советы победили в 1921 году. Этому предшествовала долгая и упорная борьба грузинских большевиков-ленинцев, которые всегда шли рука об руку со своими единомышленниками в России. Что обусловило эту победу?

Ответ.

— Прежде всего верность идеям марксизма, который еще в конце прошлого века пустил глубокие корни в сознании передовых общественных деятелей Грузии и лучших представителей его трудового народа. Первая марксистская организация под названием «Месами даси» была создана в 1893 году. Но параллельно, и первое время независимо от нее, существовали в Грузии марксистские социал-демократические кружки, в создании которых деятельное участие принимали русские социал-демократы: Ф. Афанасьев, Н. Козеренко, И. Лузин, Г. Франчески, С. Аллилуев и другие. Эти кружки и провели подготовку к первой в истории рабочего движения Грузии стачке 1896 года, которая произошла в Главных железнодорожных мастерских.

Марксизм как идейное течение соединился с массовым рабочим движением. В «Месами даси» сложилось революционное ядро, в которое входили как интеллигенты — Л. Кецховели, А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе, М. Цхакая, П. Джапаридзе, так и рабочие — З. Чодришвили, М. Бочоридзе, Г. Телия и другие. Позже в это ядро вошел И. Сталин. И все время рядом были друзья из России, такие, как В. Курнатовский, М. Калинин и другие.

Очень бурно прошел в Грузии 1905 год: всеобщие забастовки, вооруженные восстания и особенно восстания крестьян. Интересна по этому поводу запись от 21.I.1905 года в дневнике Л. Н. Толстого: «...Утром был от Накашидзе милый человек Кипиани, который рассказал чудеса о том, что делается на Кавказе: в Гурии, Имеретии, Мингрелии, Кахетии. Народ решил быть свободным от правительства и устроиться самому... Это — великое дело». Известен Бахвский манифест — революционные требования крестьян села Бахви, опубликованные в ленинской газете «Вперед». Ожесточенными были бои на Сурамском перевале, в которых вместе с боевыми дружинами участвовали матросы крейсера «Очаков». Можно было бы вспомнить много поистине героического из деятельности грузинских большевиков по созданию нелегальных типографий или организации крупных экспроприаций.

Однако Грузия перед Великой Октябрьской революцией продолжала быть отсталой аграрной страной, о чем усиленно заботились царские наместники. Естественно, что мелкобуржуазные тенденции были живучи в сознании населения, и на этом зарабатывали себе популярность меньшевики. Отряд грузинских большевиков делал все, чтобы идти в ногу с октябрьскими событиями в России. Но в это же время консолидировались силы контрреволюции, которая, как черт ладана, боялась Октября и поэтому взяла себе в помощники интервентов. Власть в Грузии захватила антисоветская коалиция во главе с меньшевиками.

Три с половиной года в условиях ожесточенной травли, провокаций, арестов и расстрелов пришлось биться большевикам за торжество подлинно народной власти. Народ поднимал восстание за восстанием, среди которых особенно ярким было восстание в Душети. Именно об этом времени говорил Ильич: «Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное...»

Германские штыки, английская военная интервенция, поддержка деникинских банд, прижатых Красной Армией к югу, и в результате всего этого полная хозяйственная разруха — все это открыло глаза тем, кто поначалу верил меньшевикам. Назревало свержение и изгнание предателей и лакеев империализма, называвших себя «социалистами». Перед февралем 1921 года началось по решению ЦК Компартии Грузии повсеместное вооруженное восстание. Ревком провозгласил Грузию советской, обратился к В. И. Ленину за помощью. Эта помощь пришла в лице доблестной 11-й армии. 25 февраля 1921 года Серго Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Над Тифлисом реет Красное Знамя. Да здравствует Советская Грузия!»

Вопрос.

— Какие годы можно назвать годами закладки фундамента социалистической экономики Грузинской республики?

Ответ.

— Если говорить общо, то это годы первых пятилеток. Конкретнее и вещественнее они представляются в виде строительства Земоавчальской гидроэлектростанции, крупнейшего в стране нефтеперерабатывающего завода в Батуми, восстановления полностью разрушенного хозяйства Чиатурского марганцевого бассейна и т. д. В тридцатых годах мы сделали в республике многое, что предопределило надолго ее экономический профиль. Зестафонский завод ферросплавов стал производить из чиатурского марганца легирующие сплавы. Станкостроительный завод имени Кирова — станки. Появление ЗАГЭС и вслед за ней РИОНГЭС позволило не только питать промышленные предприятия, но и начать электрификацию железных дорог. Сильно выросла в республике добыча угля.

Надо подчеркнуть, что если объем продукции тяжелой промышленности Советского Союза к концу первой пятилетки увеличился более чем в 2 раза, то в Грузии он возрос в 5,6 раза. Но в этом-то и состоит мудрость ленинской национальной политики — поднимать бывшие окраины до общего уровня развития всей страны!

В тридцатых же годах начались работы по осушению Колхиды. Для субтропических и технических культур — чая, цитрусов, табака и т. д.— нужна была земля. И в этом тоже явно обозначились новые черты, определившие лицо сельской экономики Советской Грузии. Старая деревня с ее раздробленным единоличным хозяйством никогда не справилась бы с освоением сложнейших культур, требующих больших площадей, техники и грамотного руководства. К концу пятилетки сельскохозяйственная артель окончательно утвердилась в Грузии как основная форма колхозного строительства.

Вопрос.

— В годы Великой Отечественной войны советского народа с немецкими захватчиками Компартия Грузии была одним из организаторов обороны Кавказа. Какой вклад внесла она в борьбу с врагами Советского государства на Закавказском и на других фронтах войны?

Ответ.

— Если не считать одного высокогорного абхазского села Псху, побывавшего в руках гитлеровцев, то можно сказать, что враг не топтал землю нашей республики. Однако какое-то и довольно продолжительное время она представляла собой прифронтовую полосу: ее небо, ее морские порты и особенно перевалы Главного Кавказского хребта. Здесь, на Марухском, Клухорском, Санчаройском и других перевалах, разыгрывались тяжелейшие бои в неимоверно сложных условиях высокогорья, каменных громад и вечных ледников.

Это длилось с июля 1942 по октябрь 1943 года. Части Советской Армии противостояли специальным, хорошо натренированным горным подразделениям гитлеровцев. Враг бешено рвался к богатой земле Кавказа и, как писала «Правда» в сентябре 1942 года, стремился «разорвать братские узы, которыми спаяны народы Кавказа со всей семьей советских народов». Известно, что это ему не удалось. Героическая битва на Волге, происходившая в этот же период, не давала гитлеровскому командованию возможности бросить все для захвата Кавказа. В свою очередь, события на Кавказском хребте сковывали значительные силы вражеских войск, облегчая и оборону Сталинграда.

В Грузии и в других республиках Закавказья были в эту зиму сформированы дополнительные стрелковые и горнострелковые дивизии, истребительные батальоны, уничтожавшие десанты врага, отряды альпинистов, совершавшие рейды в тыл, наконец, отряды горных проводников. Так, например, 12 коммунистов-проводников, выделенных Абхазским обкомом Компартии Грузии, провели бойцов через Анчхаский перевал в тыл и участвовали в боях. Причем восемь из них пали геройской смертью. Тысячи трудящихся работали на строительстве оборонительных укреплений в горах и морских портах, возводили горные до-

Г. Тоидзе. СЕЛЬСКИЕ РЕБЯТА.

К. Санадзе. НА ПАСТБИЩЕ.

З. Лежава. БАКУРИАНИ.

роги для подвоза боеприпасов и еды бойцам. С большой самоотверженностью трудились в многочисленных госпиталях грузинские медики. А сколько коммунистов было послано по партийным мобилизациям на фронт политработниками, журналистами, членами артистических бригад!

Но было бы неправильно думать, что организующая роль Компартии Грузии состояла лишь в обороне Кавказа. Воины-грузины да и вообще трудящиеся Грузии любых национальностей были в рядах защитников Родины, во всех горячих местах войны. У легендарного «дома Павлова» в Сталинграде стояли насмерть Н. Мосиашвили и М. Цугба. Несгибаемый воин Г. Схулухия был сожжен гитлеровцами на костре при защите Крыма, и ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Бесстрашно сражался под Москвой командир бронепоезда А. Джахиев. Комбат И. Цицишвили, ныне доктор искусствоведения, заслужил Золотую Звезду Героя Советского Союза за строительство моста через Днепр. В партизанской армии Ковпака отважно действовал Герой Советского Союза партизанский командир Д. Бакрадзе. 133 участника войны из Грузии удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Свыше 30 генералов, среди которых такие прославленные военачальники, как К. Леселидзе, П. Чанчибадзе, В. Нанейшвили, В. Джанджгава, Я. Иоселиани, Е. Коберидзе, руководили боевыми операциями на разных фронтах. Их воспитала наша партийная организация в духе интернационализма и любви к Советской Родине.

Вопрос.

— Каковы достижения культуры и, в частности, науки в республике?

Ответ.

— Еще недавно для того, чтобы представить рост культуры в республике, достаточно было сказать, что 50 лет назад в Грузии было 40 общеобразовательных школ, а стало теперь 5 тысяч; что в Грузии не было раньше ни одного высшего учебного заведения, а теперь — 18; что республика обучила 140 тысяч специалистов, что в республике 170 научно-исследовательских институтов.

Конечно, и сейчас эти цифры производят впечатление и вызывают чувство гордости нашим советским строем. Но если говорить образно, они свидетельствуют о том, как мы все эти годы набирали высоту. Сейчас, рассматривая состояние культуры в республике, следует говорить о более глубинных процессах. В частности, я проиллюстрирую эту мысль примерами из области науки.

Возьмем старую математическую школу, возглавляемую президентом нашей академии Н. И. Мусхелишвили. Ведь именно потому, что она отличается высокой культурой математической мысли, в республике появился и крупный вычислительный центр и ряд новых технических институтов. Эта же математическая школа в соединении с довольно сильной школой грузинских физиков, представленных такими учеными, как Э. Андроникашвили и В. Мамасахлисов, проложила дорогу новому направлению в науке — физической кибернетике. Поэтому в Тбилиси и появился Институт кибернетики, уже создавший более 50 схем, методов, приборов и систем, половина из коих впервые получена в мировой практике. И тут же началась подготовка специалистов: открылся в Тбилисском университете факультет кибернетики.

А разве мы могли бы без глубинных поисков в науке создать в Грузии производство стабильных изотопов или приступить к строительству завода управляемых математических машин?

Я специально останавливаюсь на этих науках, потому что они нагляднее иллюстрируют состояние культуры физико-математической мысли. Но у нас успешно развиваются и другие науки, в том числе такие гуманитарные, как история и археология.

Вопрос.

— Не могли бы Вы поделиться своими личными впечатлениями об археологических изысканиях последнего года?

Ответ.

— Продолжая разговор о научных школах, нельзя не сказать, что и в области истории нам повезло. Мы имели таких выдающихся ученых, как И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа, которые выпестовали своих учеников.

Почти десять лет под руководством кандидата исторических наук Г. Гобеджишвили группа археологов изучает Баденское нагорье. Недавно, приглашенный ими, я осмотрел один раскопанный курган, называемый Гадачрили Гора. Редчайшая деревянная гробница, которую датируют приблизительно XIX веком до нашей эры. В гробнице сохранились некоторые предметы: деревянные, глиняные, металлические. Сохранился скелет человека и даже следы его одежды. Больше того: сохранились зерна пшеницы, которым от роду почти 4 тысячи лет! Такого уникального свидетеля культуры бронзовой эпохи на Кавказе еще не обнаруживалось. Неизвестно еще, о чем он расскажет ученым разных отраслей науки, какие проблемы перед ними поставит. Несомненно лишь, что баденская находка — это еще одна страница прочтенного далекого прошлого, еще один шаг к познанию того, какими были наши предки.

Вопрос.

— Союз Советских Социалистических Республик настолько сцементирован, что представить себе одну республику в отрыве от другой невозможно. И все же с республиками Закавказья у Грузии сложились наиболее плодотворные связи. В чем они выражаются?

Ответ.

— Связи между Арменией, Азербайджаном и Грузией действительно давно сложившиеся. Не вникая в глубокие, дооктябрьские корни, расскажу лишь о маленьком характерном эпизоде, связанном с Пойлинским мостом. Этот мост на границе Грузии и Азербайджана в бессильной злобе взорвали меньшевики в феврале 1921 года. Прерванное сообщение через Куру могло остановить движение Красной Армии из Азербайджана. Невзирая на большие трудности, почти голыми руками грузины, азербайджанцы, армяне, русские, украинцы—люди всех наций бросились на восстановление моста. Он был готов в немыслимо короткий срок — за четыре дня! В день, когда соединились оба берега Куры, строители моста решили его назвать ленинским мостом дружбы и послали по этому поводу письмо Ильичу.

Мост этот как бы скрепил наши народы на весь дальнейший совместный путь. Мы вместе строили газопровод, который с берегов Каспия прошел на Армянское нагорье и к нам. У нас сейчас общая система энергоснабжения, общая железная дорога, общие поиски минерального сырья, общий атомный реактор, на котором ученые трех республик проводят свои эксперименты. Традиционными стали поездки национальных театров друг к другу, переводы и издания книг, музыкальные встречи. И замечательнее всего то, что это не декларативно, это стало потребностью, потому что у людей в общении возникли привязанности, симпатии, уважение, совместные дела. Только так и рождается подлинная дружба, которой учил нас Ленин.

Вопрос.

— Как видится ближайшее будущее Грузии и в связи с этим чем будет занята партийная организация республики?

Ответ.

— Прежде всего это будущее видится в тесной связи с общими успехами советских людей. Я думаю, что если за годы, прошедшие после Великого Октября, невзирая на войны и известные просчеты и ошибки, советский народ неуклонно двигался вперед, то сейчас тем более это движение будет еще успешнее. Мы стали более зрелыми и опытными, в состоянии решать более сложные задачи экономического, культурного и идеологического порядка. Грузинскому народу в семье всех братских народов СССР живется хорошо и славно. Никогда еще за время всей своей многовековой истории, наполненной непрерывными битвами с более многочисленными и сильными нациями, грузинский народ не был так уверен в своем будущем.

Правда, эта уверенность и покой не означают покоя трудового. Надо построить сложнейшую и крупнейшую гидроэлектростанцию на горной реке Ингури, ввести в действие большие оросительные системы в Восточной Грузии, а в Западной — вырвать из-под власти болот столько колхидской земли, сколько сейчас занимает в Грузии вся площадь под субтропиками. Надо построить много хорошего и удобного жилья, хотя в прошедшей семилетке мы уже построили в республике по сумме жилых площадей целый новый Тбилиси...

Словом, надо сделать многое. И партийная организация республики, призванная поднимать людей на все эти дела, будет ими заниматься со всей боевитостью одного из старейших и испытанных отрядов нашей ленинской Коммунистической партии.

Ираклий АБАШИДЗЕ

ВЕСНА

Из цикла «Приближение»

Поздравляю тебя с первым цветом,
платан,
И с волнением рек поздравляю
ущелья.
С первым таяньем снега тебя,
великан,
С первым гневом, волна.
Поздравляю теперь я
С возрожденьем — осоку
и с громом — леса,
Окоем окружающий —
с ласточкой первой.
Краски мира — с кипеньем,
с гульбой — небеса,
С возбуждением почек —
ткемали и персик.
Поздравляю долину с гудящей
пчелой
И с дыханием первым камыш
пробужденный.
Поздравляю утра
с обновленной зарей,
Молодой ветерок —
с отозвавшейся кроной.
Если вдруг я признаюсь,
что хватит с меня,
что пресытился вашей хмельной
круговертью,
сумасшедшим потоком весеннего
дня,
то прошу вас:
не верьте,
не верьте,
не верьте!

Реваз МАРГИАНИ

ЛЬЕЖ. ЦИТАДЕЛЬ. БРАТСКАЯ МОГИЛА

В то утро с тишиной столкнулся я,
Повисло грустно сумрачное небо.
Над братскою могилою блестят
Цветы, чуть запорошенные снегом.

Меня не удивляет тишина:
Что, кроме слез,
услышишь на могиле?
Льеж. Цитадель. Кровавая война.
Друзей и братьев мы похоронили.

Засела пуля в камень навсегда,
И сердце камня кровью истекает.
О, сколько раз с тех
пор пылал миндаль,
Как май за маем маки полыхают!

О, сколько раз, по-юношески лих,
Гулял здесь ветер
в проседях тумана!
Но до сих пор жива
в груди живых
Войны незаживающая рана.

КЕМ СТАЛИ ЭТИ ДЕТИ?

Полгода назад наша редакция стала обладательницей редкого исторического снимка, полученного из Музея Революции. На обороте снимка подпись: «Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров среди детей в г. Тбилиси, 1921 г.».

Кто эти дети, которые в незабываемый двадцать первый год, год установления в Грузии Советской власти, сфотографировались с видными деятелями партии? Кем они стали, дети тех грозных лет? С этими вопросами редакция «Вечернего Тбилиси» обратилась к читателям газеты.

Сперва было получено письмо сотрудника Госстроя Грузии Владимира Петровича Полюсука. Он писал, что Киров и Орджоникидзе, как ему думается, сфотографированы с группой воспитанников детского дома, помещавшегося на нынешней улице Махарадзе.

Этим детским домом заведовала друг и жена Серго Орджоникидзе — Зинаида Гавриловна Орджоникидзе, а хозяйкой работала мать Полюсука. Дети тут были собраны из разных уголков страны, главным образом с Поволжья, где тогда свирепствовал голод. Рядом с Кировым сидит одетый в темную рубашку паренек по фамилии Нацвалов.

Только мы принялись разыскивать Нацвалова, как к нам в редакцию пришел он сам, Иосиф Васильевич Нацвалов, старейший монтажник треста «Кавэлектромонтаж», ныне пенсионер.

Прежде чем попасть в детский дом, Иосиф Нацвалов долго скитался по городам страны. Судьба привела его в Баку. Работая курьером Азербайджанского отделения РОСТА, он впервые познакомился с Серго Орджоникидзе. Затем бурные события на Кавказе снова заставили мальчишку пуститься в скитания. Наконец он попал в Тбилиси, где работал его «старый знакомый» Серго. Орджоникидзе узнал Иосифа, обласкал паренька, позвонил Зинаиде Гавриловне, и та определила его в детский дом.

Иосиф Васильевич с волнением смотрит на фотографию.

— Снимок этот,— рассказывает он,— сделан в «летней резиденции» детского дома — на даче в Коджори, где когда-то располагалось так

называемое заведение святой Нины. Зинаида Гавриловна помогла мне устроиться в школу фабрично-заводского ученичества. Я получил специальность токаря, затем стал электромонтажником. На монтаже различных электросооружений проработал около сорока лет.

— Кого вы можете вспомнить из ребят, фотографировавшихся с Кировым и Орджоникидзе?

— Имена и фамилии я уже позабыл. Но хорошо помню паренька, сидящего во втором ряду, прямо подо мной. Мы прозвали его «Головастиком». Прибыл он из Ростова. Спрашиваем: «Зачем приехал в Тифлис?» Отвечает: «А мне говорили, что здесь прямо на улице виноград растет!..»

Редакции газеты «Вечерний Тбилиси» не удалось узнать о судьбе других ребят, снятых неизвестным фотографом. Но может быть, кто-нибудь из читателей «Огонька» найдет здесь себя или своих знакомых?

Коллективный корреспондент «Огонька» — «Вечерний Тбилиси»

ЧЕЛОВЕК ИЗ «КАМЕННОГО МЕШКА»

Боевая дружина узников Шлиссельбургской крепости. Февраль, 1917. В первом ряду в папахе — И. Жук. Рядом с ним, в кепке,— Ф. Шавишвили.

Старый Шлиссельбург, ныне Петрокрепость. Маленький город на Неве. В нем есть улица, с которой открывается вид на просторы Ладожского озера. Улица эта носит имя Иустина Жука. Жители Петрокрепости хорошо знакомы с биографией этого мужественного, несгибаемого узника Шлиссельбургской крепости, позднее командира отряда, штурмовавшего Зимний в Октябре семнадцатого года.

Далеко от Невы, на берегах Куры, в Тбилиси, и ныне здравствует большой друг Иустина, тоже шлиссельбуржец, Федор Шавишвили.

Федор Амбакович как драгоценную реликвию хранит снимок, на котором запечатлена боевая дружина, составленная из бывших заключенных Шлиссельбургской крепости. Она была организована 28 февраля 1917 года, а на следующий день с оружием в руках направилась к крепости, где еще томились борцы за народное дело.

В тот же день был сбит двуглавый орел над единственным входом в крепость. На его месте заалело красное полотнище со словами: «Вечная память борцам, погибшим за свободу» Другой лозунг гласил: «Слава народу, открывшему двери тюрем!»

...Федор Амбакович вспоминает своих друзей по каторжным застенкам, показывает письма от бывших узников Шлиссельбурга. Вот письма Ивана Сергеевича Мельникова и Михаила Петровича Ремизова. Вот книга Федора Николаевича Петрова с теплой дарственной надписью автора — члена партии с 1896 года.

— С одним из них, Ремизовым, я встретился в прошлом году в Тбилиси; он гостил у меня несколько дней,— говорит Федор Амбакович.— Трудно передать ту радость, которая охватила нас при встрече. Ведь мы не виделись чуть ли не полвека!..

Хотя Федору Амбаковичу пошел уже 77-й год, он по-прежнему деятелен, весь в работе. Сейчас он написал книгу «Политическая каторга в период царской реакции» (от первой революции 1905 года до второй — 1917 года), в которой рассказывает, каким нечеловеческим пыткам подвергали революционеров в страшных «каменных мешках» царской России. Он хочет написать воспоминания о Серго Орджоникидзе, вместе с которым сидел в Шлиссельбурге, о легендарном Камо, с которым томился в каторжной тюрьме.

В. ХАРАЗОВ

Мысль выдана. Доска испещрена. Сейчас начнется!.. Фото Г. Хамашуридзе.

Грузинская наука... Это понятие вмещает в себя известные всему миру работы по математике, ядерной физике, геологии и многим другим отраслям.

Грузинская наука — изучение космических лучей на высокогорной станции в Бакуриани. Ювелирные по точности работы сухумских и тбилисских ученых в области получения стабильных изотопов. Интереснейшие археологические и литературоведческие исследования. И, наконец, Институт кибернетики, решающий крупнейшие технические, экономические, философские задачи...

Древнее изречение «Истина рождается в споре» понимаешь заново в этом институте. Мы попросили его директора В. ЧАВЧАНИДЗЕ рассказать об одном таком споре, об одном семинаре.

В. ЧАВЧАНИДЗЕ,
доктор физико-математических наук, директор Института кибернетики Грузинской Академии наук

Истина рождается...

...Мы спорим на наших семинарах почти всегда, но на этот раз — долго и яростно. Спор возник в связи с вопросом: какой должна быть единая наука, которая сумела бы вобрать в себя такие фундаментальные науки, как математика, физика, кибернетика, химия, биология, астрономия, психология, социология и технология?

Прежде всего, что мы подразумеваем под технологией в отличие от общеизвестного понимания этого термина? Технологией тут названа наука о законах теоретического расчета, проектирования, осуществления и эксплуатации всего того, что сделано человеком. Имеется в виду мир предметов, сооружений, системы связи, транспорта и энергетики и, наконец, так называемых больших систем, включающих в себя людей и машины.

В широком смысле слова эта наука как единая все еще не оформлена. Но мы спорили о другом, о том, нужно ли создавать науку о единых законах мира внешнего и мира искусственного, включая и человека. В сущности, нечто подобное уже существует. Это философия. Но в данном случае мы спорили не о предмете философии как науки, а о возможности единого, количественного, модельного подхода к ее задачам (обычно говорят, конструктивного подхода).

Мы размышляли, что́ надо рассматривать с единой точки зрения. Законы мышления, законы управления производством, логику машин, законы жизни на Земле на уровне клеточном и жизни биологической, законы взаимного управления на Земле и во Вселенной, в мире, где мы живем, мыслим. Неужели все это можно охватить единой количественной теорией? Неужели может существовать такая теория? Да, такие попытки уже имеются, например, в общей теории систем. Есть ли у нее успехи? Пока нет. Но она может стать такой теорией! Ясно, что все это больше, чем кибернетика в сегодняшнем понимании.

Наши спорщики настаивали на том, что этой теорией не учитываются достижения физики, химии, социологии, психологии, биологии.

Более того, они говорили, что общая теория систем — слабая теория, что ей нужна более широкая база для того, чтобы рассматривать все вышеназванные объекты конструктивными, количественными, моделирующими методами. Но в итоге никто не высказывал сомнений, что такая теория возникнет. Нам представляется, что фактически она будет общей теорией моделей.

Модели создают все науки: физика, кибернетика, химия, астрономия, биология, лингвистика, психология, социология и другие. Но пока нет понимания того, что «язык» моделей необходимо упорядочить, что необходимо объединить близкие и обобщить частные модели.

Как назвать такую науку? Пожалуй, это несущественно, но можно ее назвать хотя бы моделелогией. В таком случае уже созданные модели математики, физики, кибернетики, химии, биологии, астрономии, социологии, технологии поступят в арсенал науки моделелогии в качестве основных кирпичиков. Здесь будет найдено то, что их объединяет, сближает, делая их сущность единой с точки зрения философской и позволяя создать некую обобщенную метамодель (модель моделей). В последующем можно будет имитировать такую модель, воплотить в какую-либо материально-физическую форму.

Как всегда, споры вокруг одной темы затрагивали и соседние участки. Мы задавали себе вопросы: что такое жизнь, справедлив ли для живых систем второй закон термодинамики, достаточна ли существующая теория информации в качестве теории переработки сообщений между людьми? По каждому такому вопросу споры носили остро позитивный характер. Все слушающие требовали доказательств, точности выражений и... немедленного создания количественной теории.

Эти на первый взгляд абстрактные споры, разгорающиеся на семинарах по общей кибернетике, позволяют развивать в специалистах «кибернетическое чутье», искать во всем кибернетический смысл (подобно выражению «физический смысл»), вырабатывать потребность физического моделирования или моделирования на электронно-цифровых вычислительных машинах. В самом деле, специалисты-кибернетики дошли до такого уровня, когда они могут создавать различные кибернетические системы и развивать их теории. Как же тут быть без общей теории систем и теории моделей, без обсуждения моделей живого и таких вопросов, как жизнь, мышление? Они встают во весь рост перед всеми, кто занят созданием новой вычислительной техники, бионических машин и систем.

Итак, опять спорный вопрос: оставаться на уровне кибернетики как науки, в пределах ее ранних определений или раздвинуть ее границы до уровня науки о всеобщих моделях и создания управления материально-информационными моделями? Где границы кибернетики? Необходима ли всеобщая количественная наука? Выделится ли она в самостоятельную моделелогию, или это — будущее самой кибернетики? Вопросы поставлены. Споры продолжаются...

Резо ЧЕЙШВИЛИ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

СМЕРТЬ

Уход Савле Гиоргадзе из театра в свое время вызвал шумные толки. Знакомые и близкие по сей день вспоминают об этом с улыбкой, приписывают Савле несуразные вещи, а события, имевшие место в действительности, переиначивают так, что выявить истину становится довольно трудно. Я не был в числе ближайших друзей Савле, но сомневаюсь, знает ли кто-нибудь лучше меня настоящую причину его ухода. Вполне возможно, что посторонних вовсе не интересует эта история, но я считаю, что мой рассказ раз и навсегда покончит с пересудами, бросающими тень на добропорядочных людей.

Я не раз говорил и еще раз повторяю со всей ответственностью: Савле Гиоргадзе покинул театр по собственному желанию, и никто не порочил его имени. Вы сами убедитесь в этом дальше. Какой смысл делать поспешные и необоснованные заявления?..

С Савле Гиоргадзе я познакомился десять лет назад. Он шел через сквер с ружьем в руках и, как мне показалось издали, опоясанный мечом. Согласитесь, не так уж много серьезных причин ходить по центру города да еще средь бела дня вооруженным, и я, понятно, удивился.

Загорелый, жилистый, в рубашке с карманами и с закатанными рукавами, он выглядел человеком здоровым, простым, без всяких претензий. Ружье и меч — он торчал у него под мышкой — были из театрального реквизита.

— Что это с ним?! — смеясь сказал наш общий знакомый, указывая мне на оружие.

— У кое-кого сила через край бьет,— объяснил Савле, почему-то посмотрев на меня.— Не скажут ведь: артист Киртава вошел в роль и сломал меч... С меня спросят: ты, говорят, ведаешь реквизитом, почему оружие не в порядке?.. А с Киртавы не спросят...— Савле засмеялся.— Что поделаешь!..— Он пробормотал что-то еще, попрощался и зашагал дальше — понес оружие чинить в мастерскую.

Так состоялось наше знакомство. Видеть я его и раньше видел, но говорить с ним не приходилось.

жиссер Эльдар Шенгелая и студентка ВГИК Ариадна Шпринг-Шенгелая. Оба сына Николая Шенгелая стали кинорежиссерами.

Унаследовали профессию отца и сыновья Чиаурели — Отар и Рамаз. Их привлек документальный кинематограф.

...И еще один эпизод из этой главы.

К великому удивлению своего отца-инженера, Георгий Данелия, племянник Михаила Чиаурели и Верико Анджапаридзе, бросил архитектуру, в которой преуспевал уже несколько лет, и поступил на высшие режиссерские курсы при Союзе кинематографистов. Влияние матери, режиссера «Мосфильма» Мери Анджапаридзе, и тети оказалось сильнее.

Закономерно, что поэт Николай Шенгелая, скульптор и художник Михаил Чиаурели, замечательная актриса театра Верико Анджапаридзе и грузинская красавица Нато Вачнадзе пришли в начале 20-х годов в кино. Их первые шаги в киноискусстве связаны с радостью первооткрытия.

— «Рецепт» национального фильма был прост,— вспоминает Михаил Чиаурели.— На скоропалительно выдуманный сюжет нанизывалась национальная экзотика. Напяливались характерные театральные костюмы. Остальное завершали грубо приклеенные бороды, танцующие со змеями одалиски из оперетты и курильщики кальяна. Юность грузинского кинематографа была бурной. Но в эти годы он раз и навсегда был отвоеван у ремесленников и коммерсантов.

Шли годы. Они приносили славу, победу на союзном и международном экранах.

Но время дает не только радости. В расцвете творческих сил погибли Николай Шенгелая и Нато Вачнадзе.

А семья, как могучее дерево, широко раскинула свои сильные ветви, на которых пробиваются все новые и новые побеги.

Если вы решите посетить дом Верико Анджапаридзе и Михаила Чиаурели, ватага ребятишек у дверей вам сообщит: «Все ушли на съемку».

Часто обитатели этого дома разъезжаются по разным городам. Сейчас, например, Вера Ивлиановна уехала с Театром имени Марджанишвили на гастроли в Ереван. Там она встретится с Софико, которая пробуется на трудную роль юноши — Саят-Новы — в фильме Сергея Параджанова. Недавно на Всесоюзном кинофестивале в Киеве Софико Чиаурели за исполнение роли девушки-горянки Мзекалы в фильме «Хевсурская баллада» получила вторую премию.

В канун нового, 1967 года на экраны республики вышел фильм «Маци Хвития» — о герое народных сказаний, борце за народную справедливость. В эти дни автор его Георгий Шенгелая сдавал в Москве режиссерский сценарий фильма «Пиросмани», который будет снимать экспериментальная студия. Фильм о жизни великого грузинского художника Георгий вынашивает более пяти лет. Еще студентом ВГИК снял он документальную ленту о Пиросманишвили.

Проездом на Северный Кавказ, где идут съемки зимней натуры к фильму «Хаджи-Мурат», побывал в Тбилиси Георгий Данелия.

Эльдар Шенгелая готовится к съемкам комедии по сценарию молодого драматурга Резо Габриадзе. Последняя его работа — фильм «Белый караван», снятый совместно с режиссером Т. Мелиава. Главную роль в нем играла Ариадна Шенгелая. Зритель помнит Ариадну еще и по фильмам «Евгений Онегин» и «Гранатовый браслет». Сейчас на «Мосфильме» режиссер Н. Трахтенберг снимает ее в роли графини в фильме «Выстрел».

Не совсем обычной работой занят самый старший в семье — Михаил Чиаурели. Один из самых интересных грузинских рисовальщиков 20-х годов решил вспомнить свою прежнюю профессию. Он ставит полнометражный рисованный фильм «Кукареку!» по мотивам «Шантеклера» Э. Ростана.

За огромным, как корабль, письменным столом Михаил Эдишерович набрасывает эскизы будущих персонажей фильма. Это приводит в восторг его маленьких внуков, которые уверены, что дед придумал для них новое развлечение.

Через несколько лет в этой кинематографической семье опять появятся новые побеги. 13 — число хоть и счастливое, но не постоянное, а кино в этой семье — закономерность!..

СПОРТИВНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ОТ МЕТРЕВЕЛИ ДО МЕТРЕВЕЛИ

«И взмахнув чоганом ловко, вновь сумеет стать героем!» — писал Шота Руставели 800 лет назад, задолго до появления... Александра Метревели, виртуоза теннисной ракетки — чогани.

Традиционный предновогодний опрос спортивных журналистов Грузии выявил лауреата 1966 года. Газеты заявили в один голос: спортсмен № 1 — Метревели! Но, позвольте, какой?

Еще недавно никто бы не усомнился, что имеется в виду главный «эталонный Метревели», знаменитый форвард тбилисского «Динамо» и сборной СССР по футболу. Но прошли годы, и появился еще один Метревели, не Слава, а Александр. И не с большим мячом, а с маленьким. Александр Метревели добился нескольких побед, из которых особо отметим две: над первой ракеткой страны Тоомасом Лейусом и над триумфатором Уимблдонского турнира испанцем Мануэлем Сантана. Теперь студент 3-го курса отделения журналистики Тбилисского университета заслуженный мастер спорта Александр Метревели — сам первая ракетка страны.

А Слава Метревели все же признан лучшим футболистом Грузии и в вышеназванной почетной десятке замкнул список сильнейших спортсменов республики. Так и получилось: от Метревели до Метревели...

НОНА И НАНА

Разница между Ноной и Наной совсем незначительная — в одну букву. Но разница между Ноной Гаприндашвили и Наной Александрия все еще дистанция огромного размера. Одна — шахматная королева мира, другая в 17 лет стала шахматной королевой СССР.

Королевы рождаются во дворцах. Так оно и было. И Нона и Нана начинали в шахматной секции тбилисского Дворца пионеров. Если прибавить к этому, что здесь же родился и шахматный король мира Тигран Петросян, то какие еще могут быть сомнения в незыблемости «королевского дома»?..

ДАЖЕ В 80 ЛЕТ!

Речь идет о человеке, который никогда не был ни рекордсменом, ни чемпионом, но имя которого знает вся спортивная Грузия. Познакомим с ним и вас, читатель.

Его зовут Исаак Кизирия. Он из Сенаки (ныне Цхакая). Организовывал здесь первые физкультурные коллективы. Команды, играющие в лело («грузинский регби»), были при 16 избах-читальнях. Первый массовый физкультурный праздник состоялся именно здесь. Затем он перекинулся в другие районы Западной Грузии, затем в Аджарию. Кизирия всегда твердил: «Нам нужны не только рекорды, а физическая культура для всех!»

Сейчас ему 80 лет. Он живет в Тбилиси, в доме нового жилого массива Дигоми. И не сидит сложа руки, глядя в окно на забавы юнцов. Исаак Дмитриевич Кизирия — председатель правления народного Клуба здоровья, который называется «Дила» («Утро»). Поэтому у жителей Дигомского массива 5 футбольных полей, 2 баскетбольных и 8 волейбольных площадок, площадки для игр в ручной мяч и городки...

В «ГРУЗИНСКИХ АЛЬПАХ»

Тбилисский альпийский клуб существует с... 1877 года. Но массовый альпинизм в Грузии начал развиваться лишь с первых лет Советской власти, когда профессор Тбилисского университета Георгий Николадзе повел первую группу студентов на штурм Казбека. Это было в 1923 году. Кстати, этот год считается годом рождения советского альпинизма.

В группе Николадзе было пять девушек. Две из них — Маро Ткавадзе и Асмат Николайшвили — повторили это восхождение через 40 лет. А в прошлом году Маро Ткавадзе, руставский «инженер в отставке», вместе с комсомольцами города металлургов поднялась на перевалы Кавказа и прошла местами боевой славы.

ЕЩЕ ОДНА СЕМЬЯ

Двадцать один год подряд Нина Думбадзе была мировым рекордсменом в метании диска. Ее муж — заслуженный тренер СССР Борис Дьячков помогал ей ставить эти рекорды. Сейчас оба они тренируют своего сына Юрия Дьячкова — сильнейшего десятиборца страны.

Отар НОЗАДЗЕ

Маро Ткавадзе в 60 лет поднялась на Казбек.

Нона Гаприндашвили и Нана Александрия.

А. Метревели.

Фото М. Заргаряна.

Идет корабль по Черному морю все дальше и дальше, на самый юг нашей страны. Встают стеной причудливые очертания Аджарского хребта, и вот Батуми — самое теплое местечко на Черноморском побережье. Цветут пальмы, драцены, агавы, юкки. Кипит жизнь в порту. Могучие краны поднимают на суда батумские машины для чайных фабрик и винодельческих предприятий, батумские катера, консервы, медицинские препараты. А по трубам погружается в танки переработанная на батумском заводе нефть...

Фото И. Тункеля.

ПИТИУС — ЗНАЧИТ СОСНА

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТРУДЯЩИЕСЯ НАШЕЙ СТРАНЫ ПОЛУЧАТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПО КРАСОТЕ И ПРИРОДНЫМ ДАННЫМ НОВЫЙ КУРОРТ НА МЫСЕ ПИЦУНДА В АБХАЗСКОЙ ССР. О НЕМ И РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГРУЗИНСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО СОВЕТА ПО УПРАВЛЕНИЮ КУРОРТАМИ ПРОФСОЮЗОВ КАНДИДАТ МЕДИЦИНСКИХ НАУК П. А. ЧИКВИЛАДЗЕ.

Название Пицунда происходит от греческого слова «питиус» — сосна, которая начала расти в этих местах миллионы лет тому назад. Среди этого уникального леса реликтовой пицундской сосны, подступающей к самому берегу моря, и создан новый курорт для советского народа.

По плану он должен был вступить в ряды действующих курортов в 1968 году, но его строители решили закончить основной комплекс к 50-летнему юбилею Советского государства.

Уже высятся семь 14-этажных зданий из бетона, стекла и пластика. Это гостиницы-пансионаты на 3 тысячи человек. Во всех корпусах идут отделочные работы, скоро начнет прибывать мебель. Готов и курзал. В этом оригинальном по архитектуре здании располагаются ресторан на 900 мест, кафе, кинозал, библиотека, актовый зал, комнаты для отдыха и разных игр.

Пообедать можно будет не только в ресторане курзала, но и в столовой на 1 300 мест, а также в столовой фабрики-кухни, рассчитанной на ежедневное приготовление 20 тысяч блюд.

Морская вода в плавательном бассейне зимой будет подогреваться. Оборудуется летний кинотеатр и эстрада на 1 500 зрителей. У причалов морского вокзала станут катера, глиссеры и суда на подводных крыльях.

Электропровода к курорту тянутся от мощной ГРЭС Ткварчельского угольного бассейна.

На снимке: рождение курорта.

Фото С. Киладзе.

ВЬЕТСЯ РУСТАВСКАЯ НИТКА

Началось с Руставского азотнотукового завода, который наладил у себя производство капролактама. А это вызвало к жизни новое предприятие химии — завод химического волокна. Он уже дал первый грузинский корд. Кордное полотно из Рустави «колесит» по дорогам нашей страны. А тем временем вступила в строй вторая очередь завода. Налаживается выпуск капрона. Из капроновой нити будут делать искусственный мех, ковры, различные ткани, в частности шелк, который в два раза прочнее натурального.

ТРАКТОР БЕЗ ЧЕЛОВЕКА

Очень трудно распахать горный склон. Однако это нужно, потому что и в горах живут люди, возделывают пшеницу, ячмень, кукурузу, картофель, и нельзя мириться с тем, чтобы человек в наше время работал вручную.

Горный трактор? Это, конечно, высокая ступень по сравнению с мотыгой. Но на крутых склонах работать за рулем небезопасно. Поэтому грузинские ученые из Института кибернетики и Института механики машин и полимерных материалов создали специальную аппаратуру, позволяющую управлять трактором на расстоянии. Электроника и механико-гидравлическая система заменяют человека.

Трактор успешно прошел первый этап испытаний в лабораторно-полевых условиях.

Н. ГЕОРГАДЗЕ

«СУБТРОПИЧЕСКИЙ» ЛИНОЛЕУМ

Найден в Тбилиси, в Научно-исследовательском институте строительных материалов, а проверен в Лиепае, на линолеумном заводе. Оказывается, при производстве линолеума можно обойтись без дорогой пробковой муки, которая завозится из далеких жарких стран. Ведь Грузия тоже не на севере, но коль скоро здесь нет пробкового дерева, то, наверно, можно найти заменители?

Заменителем стали отходы с фабрик, на которых перерабатываются субтропические плоды. Тысячи тонн таких отходов пропадают сейчас без всякой пользы. А они заменяют не только пробковую муку, но и специальные цементы, необходимые для производства линолеума.

«Субтропический» линолеум получается добротным, красивым и дешевым. И скоро — это уже в плане новой пятилетки — в Грузии построят завод, который станет выпускать не один миллион метров линолеума в год.

А. КАВТАРАДЗЕ

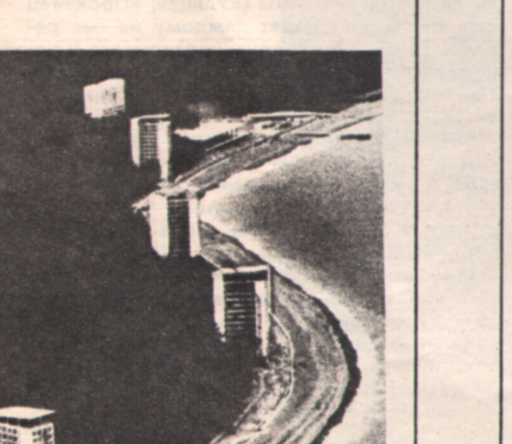

ГЛЯДЯ В ИЛЛЮМИНАТОР АКВАРИУМА

Имеется возможность чуть ли не нос к носу встретиться с огромной морской черепахой и заглянуть прямо в ее черепашьи глаза. Или рассмотреть подробно живую белугу, мечущихся электрических скатов, великолепного атлантического осетра. И ради всего этого не обязательно погружаться в глубины океана: достаточно заглянуть в иллюминатор аквариума.

Есть такой громадный «рыбный музей», в котором поселились эти и многие другие обитатели подводного царства. Он недавно открылся в Батуми. Это самый крупный в нашей стране демонстрационный аквариум.

Пока здесь около ста видов всевозможных рыб и морских животных, которым создана в специальных отсеках и бассейнах «родная стихия». Но их будет все больше и больше. И собираются они здесь не только для обзора любознательных посетителей, но и с целью исследований, которыми занимаются ученые Грузинской рыбохозяйственной станции Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии.

В. МАРГАНИДЗЕ,
председатель Аджарского радиокомитета

О НАШИ УШИ!

М. ИАШВИЛИ

Как уберечь свой слух в цехах, где ухают молоты, лязгает железо? Плотно заткнуть уши, стать ко всему глухим — не лучший способ защиты, ибо при этом человек теряет ощущение рабочего ритма и, в общем, работает хуже.

Над этим думал молодой лаборант Тбилисского машиностроительного техникума Заур Хетагури. Он высказал свою идею ученым и с их помощью сконструировал прибор. Этот прибор состоит из генератора звуковой частоты, усилителя сигнала шума, детектора и преобразователя. Кроме прибора, имеются датчик и наушники. С их помощью грохот, удары, скрежет превращаются в приятные слуху тона. Вместо резкого шума — хаотические, но все же в какой-то мере музыкальные звуки.

Прибор Заура побывал в Москве на ВДНХ и получил золотую медаль. Но Заур продолжает совершенствовать свой прибор.

СТУДЕНТ-ПОЛИГЛОТ

Огромным языковым багажом (до десяти языков, не считая грузинского и русского) обладают тбилисские ученые: академик Академии наук Грузинской ССР Отар Онияшвили и доктор филологических наук Тамаз Гамкрелидзе. Но вот в университете появился студент, который уже «догоняет» их. Это третьекурсник Исаак Давиташвили. Еще будучи школьником, он изучил английский, немецкий, французский. За два года в университете к ним прибавились испанский, итальянский, голландский, шведский, словацкий, португальский. Сейчас он свободно переводит литературу с иранского, арабского, древнееврейского, румынского и изучает три новых языка: турецкий, азербайджанский и армянский.

Н. ГЕРМЕСАШВИЛИ,
корреспондент газеты «Соплис Цховреба»

СОВЕТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Эти литературные рекомендации извлечены из личного письма известного профессионального революционера-большевика, верного ленинца и видного государственного деятеля А. С. Енукидзе. Письмо, датированное 20 ноября 1911 года, написано в Бакинской тюрьме, куда был заключен его автор за революционную деятельность. На нем штамп — «Бакинская тюрьма. Просмотрено Товарищем Прокурора и разрешено к отправке».

Письмо адресовано автором его другу молодости Этери Сильвестровне Гвелесиани, ныне заслуженной учительнице республики, а тогда ученице Тифлисского епархиального училища, с семьей которой Енукидзе был связан тесной дружбой до последних дней своей жизни.

Оно ясно показывает высокую образованность автора, его широкую и глубокую осведомленность не только в русской и грузинской, но и мировой художественной литературе. Мы узнаем, как много читал этот профессиональный революционер.

Литературные рекомендации А. С. Енукидзе, публикуемые впервые с любезного согласия Этери Сильвестровны Гвелесиани, проливают новый свет в биографии замечательного сына нашей партии.

«Вы обращаетесь ко мне за советом в своем чтении по русской и грузинской литературам. С удовольствием сделаю это, насколько позволят условия, в которых я нахожусь.

Из оригинальных произведений в груз(инской) литературе необходимо познакомиться со следующими авторами, начиная с шестидесятников Ильи Чавчавадзе и Ак. Церетели. Из этих двух писателей мне больше нравится И. Чавч(авадзе) и по силе мысли, и по содержанию, и сюжетам своих произведений. Его надо прочитать всего (и беллетристич(еские) произ(ведения) и стихи). Его некоторые поэмы — прямо шедевр. Из произ(ведений) Акакия наиболее ценны его исторические поэмы. Они написаны легким, мастерским языком и читаются с удовольствием... Покончив с ним, следует ознакомиться в общих чертах с Ник. Бараташвили (он очень хорош!), Гр. Орбелиани, Раф. Эристовым, с Важа Пшавела, Эвдошвили.

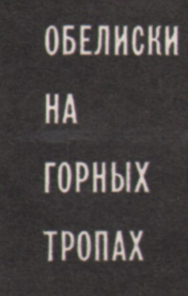
Из беллетристов (новых) наилучшие у нас Ал. Казбек и Ниношвили. Их надо читать и перечитывать. А также можно прочитать некоторые вещи Ан. Пурцеладзе, Ардазиани и Геор. Церетели. Из драмат. писателей рекомендую комедии Сундукянца и Цагарели.

Из иностранных писателей на грузинском языке усиленно рекомендую классический перевод шекспировских произведений Ивана Мачабели. Эти вещи на грузинском языке гораздо лучше, чем такие переводы, как И. Вейнберга или Полевого.

Прочтите также прекрасный перевод «Истории одного крестьянина» Эркман-Шатр(иана), сделанный Мачавариани. Вот все, что советую по части груз(инской) художественной литературы. А о бессмертном Шота Руставели, конечно, излишне говорить. О публицистической и научной литературе на грузинском языке здесь умалчиваю.

Все же остальное (и знакомство с западноевропейской литературой) предпочтительно и более полезно читать на русском языке. Из русских писателей (я и здесь буду говорить лишь о художественной литературе), кроме Пушкина и Лермонтова (мой любимец), необходимо знать Грибоедова, Гоголя (особенно его «Мертвые души», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор» и др.), Тургенева, Достоевского (особенно «Прес(тупление) и наказ(ание)» и «Братья Карамазовы»), Гл. Успенского, Некрасова и, конечно, Л. Толстого (особенно его величайшие вещи «Анну Каренину» и «Войну и мир»). Из новейших — Макс. Горького, Чехова и др. Я здесь перечислил авторов, с которыми необходимо и обязательно нужно познакомиться. Боюсь, что многих я здесь пропустил. Из литературных критиков рекомендую, кроме гениального и великого Белинского, новейшего писателя Овсяннико-Куликовского. А о переводной русской литературе поговорим в другой раз. Что же касается великих русских писателей по другим отраслям литературы — и об этом поговорим особо».

А. КЕЛЕНДЖЕРИДЗЕ,
директор Тбилисского филиала Центрального музея В. И. Ленина

На Марухском леднике, в обелиске, замурована стальная капсула. В ней — письмо комсомольцев Черкессии в будущее, шкатулка с землей Мамаева кургана и книга «Тайна Марухского ледника». Надпись гласит, что вскрыть эту капсулу надо в 2017 году. В год, когда будет праздноваться столетие Советской власти, еще раз вспомнят тех, кто во время Отечественной войны сражался здесь, в горах.

В книге «Тайна Марухского ледника», вышедшей недавно в издательстве «Советская Россия», каждая строчка, каждая страница рассказывает о мужестве, железной воле, о высочайшем героизме советских воинов.

Против них, казалось, вооружилась земля и небо, пули и снаряды, снежные обвалы и ледяные трещины, ветер и мороз... Раненые, голодные, обмороженные, они воевали. И очень многие остались в заоблачной выси Кавказских гор, в вечных снегах навсегда. Вот, например, один лишь эпизод: сорвавшись темной ночью со скалы, защитники Наурского перевала летели в бездну молча, не проронив ни стона, ни одного слова, чтобы не выдать фашистам боевых товарищей!

Подробности трагедии, разыгравшейся на перевалах Главного Кавказского хребта, узнали случайно. Чабан Мурадин Кочкаров обнаружил высоко в горах сотни патронных гильз и несколько боевых ячеек, а в них — человеческие кости. О своей скорбной находке чабан сообщил в сельсовет. Через несколько дней в горы была отправлена первая экспедиция... 1 октября 1962 года, через двадцать лет после гибели, в станице Зеленчукской при огромном стечении народа торжественно, с почестями были похоронены советские воины.

Но никто не знал, кто они и откуда. И начались поиски...

На горных перевалах воевали и моряки Черноморского флота. То один, то другой участник боев ронял в разговоре фразу: «Тогда пришли моряки...» Но никто не знал, откуда они пришли. Ни судьбы флотских ребят, ни хотя бы одной фамилии, по которой можно было бы искать их, узнать долгое время не удавалось.

Однажды авторы этой книги выступили в Киеве по республиканскому телевидению о событиях на Марухском перевале. И, как всегда, попросили, если кто-нибудь был участником тех событий или что-нибудь слышал о них, откликнуться, написать письмо. Письмо пришло от Филиппа Харитоновича Гречаного, он назвал сохранившиеся в его памяти, к сожалению, немногие фамилии. Авторы встретились с Филиппом Харитоновичем...

Отряд моряков был сформирован в Сухуми в августе 1942 года. 26 августа моряки пришли на Марухский перевал.

В ночь с 15 на 16 сентября они были посланы к «Сахарной голове» на помощь подразделениям 808-го полка. Моряки выполнили свое боевое задание, но огромный снежный карниз, сорванный взрывами мин, подхватил их на крутом склоне и повлек за собой в пропасть. В живых остался только Гречаный Филипп Харитонович.

Филипп Харитонович был много раз ранен, контужен; провоевал до марта 1945 года. Сейчас он инвалид I группы Отечественной войны, живет в Киеве и не имеет за Отечественную войну ни единой награды, даже медали «За победу над Германией» или «За оборону Кавказа».

На нехоженых горных тропах, на скальных склонах Кавказского хребта сейчас стоят десятки обелисков. И к этим памятникам приезжают матери, дети и жены тех, кто отдал свою жизнь за Родину. И нет в Карачаево-Черкесской области ни одного населенного пункта, где бы не создавался музей боевой славы защитников Марухского перевала.

Т. ТРОИЦКАЯ

В. Гнеушов, А. Попутько. «Тайна Марухского ледника». Издательство «Советская Россия», 1966.

МИР ПОЭЗИИ И ЖИВОПИСИ

О грузинских поэтах говорят, что они отличные колористы. О грузинских художниках говорят, что им присуще поэтическое видение мира.

Наверное, правильно и то и другое. Особенно если вспомнить слова Репина: «Нельзя же думать, чтобы такая удивительная по своему характеру страна не рождала художественных сил».

В Грузии много света, грузинские художники подолгу работают на пленэре и с радостью рассказывают о родной земле и соотечественниках.

Вкладки «Огонька» дают возможность проследить преемственность художников советских поколений. Широко известно имя Мосэ Тоидзе. Он стоял у истоков грузинского советского изобразительного искусства. Работы его сына Ираклия знакомы нам и в живописи и в графике. Помните его военный плакат «Родина-мать зовет»?

Гиви Тоидзе. В его «Сельских ребятах» внешне почти незаметно, но явственно по духу проступают черты героев, которых живописали Мосэ и Ираклий Тоидзе. И вместе с тем это наши современники, люди, живущие сегодня. Адрес во времени обозначен точно, хотя на полотне нет ни одной внешней «приметы нового».

Верен любимой теме народный художник Грузии Корнелий Санадзе. Его картина «На пастбище» продолжает начатый рассказ о жителях грузинского высокогорья, их тяжелых путях и нелегком хлебе. Художник пишет человека и горы неразъединимо друг от друга и словно бы намеренно подчеркивает общность, похожесть их характеров — здесь сливаются воедино гордость, неприступность, красота.

Но горы не всегда горды и неприступны. Добры и ласковы они в Бакуриани. Заслуженный художник Грузинской ССР Зураб Лежава рисует «снежную столицу» Грузии в летнюю пору: обычный поселок, живущий размеренной жизнью вдали от спокойного течения равнинных рек.

На вкладках представлено творчество и Зураба Нижарадзе. Его первые работы вызывали споры. Все было сложно в простом мире его героев, и эту сложность надо было изложить ясным языком. Простота, отказ от фотографической детализации пугали некоторых критиков. Но между тем признание к Зурабу Нижерадзе пришло сразу. Графические листы Дмитрия Эристави на городские темы («Улица», «Продавец фиалок» и др.) дарят каждому из нас радость узнавания. Художник открывает и показывает нашу жизнь, ее ритмы, ее характер, помогает видеть, чувствовать простые вещи...

Владимир Канделаки — студент, один из тех, кто каждый день крутыми ступенями взбегает к зданию Академии художеств, что у подножия горы Мтацминда.

Крутые склоны Мтацминда становятся продолжением академической лестницы. Поднимитесь наверх и там, на высоте, ищите ключ к пониманию творчества грузинских художников. От поэзии в Грузии никуда не уйдешь, и я скажу словами Николая Тихонова: «Нет, что ни говори, а есть места на свете, где смотришь, как с горы, а день особо светел...»

Т. СТЕПАНОВ

Тбилиси.

З. Нижарадзе.
ВЕСНА.

Д. Эристави. УЛИЦА.

В. Канделаки. ПОЛДЕНЬ.

Всеволод КОЧЕТОВ

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТРАНИЧКИ

Цветы и кровь

1

В грязноватой и шумной гостинице возле нового неаполитанского вокзала, все полы которого, дабы никогда и никому не было скользко, покрыты рубчатой резиной, мы раскинули пеструю карту Италии.

Какой вид транспорта избрать, каким путем двигаться дальше, на Сицилию? Поездом до Мессинского пролива и с переправой через пролив на пароме? Как утверждают итальянцы, дорога эта интересная, есть на что посмотреть из окон вагона, но смотреть придется довольно долго, а времени у нас лишнего нет.

Может быть, все-таки рискнуть? Как-никак увидим и опустевшее логово чудища — селение Сциллу, поименованное в наши дни меленьким шрифтиком на карте, а переправившись через пролив, и ту деревушку, которой у нас на карте нет, но итальянцы уверяют, что в действительности она есть и является преемницей древней Харибды — логова второго чудища, увиденного некогда Одиссеем.

Остановились все-таки на прямом пути — он хорошо пропунктирен на карте,— через Тирренское море, теплоходом от Неаполя до Палермо. Быть в море, правда, придется ночью, когда ничего вокруг не видно. Зато уж раннее утро на подходах к Сицилии в нашем полном распоряжении.

Неаполь вступал в часы вечерних гуляний, шумел в сотнях своих остерий, тратторий, таверн и беттол, когда мы в стареньком таксомоторе подкатили к морской пристани, въехали на бетонный пирс и вступили на борт теплохода «Сардиния», довольно-таки грязненького и не очень уютного, но основательно оснащенного барами.

Я побродил по палубам, посидел в баре, вслушиваясь в певучий, но бурный говор итальянцев. Сицилийцы говорят на своем, сицилийском языке, вернее, диалекте. Потом долго с верхней палубы теплохода смотрел на уходящий в ночь Неаполь. Россыпь мерцающих всеми цветами ярких огней прибрежных кварталов; мелкие тусклые огоньки, взбирающиеся на холмы вокруг Везувия. Какой-то большой пылающий факел газа. Он все еще светился вдали, когда я сошел вниз.

Каюта, в которой мне предстояло провести ночь, была на четверых — по две койки в два яруса, но лишь один чемодан стоял возле одной из коек, остальные места, видимо, пустовали.

Пока я устраивался на одной из нижних коек, явился владелец чемодана, смуглолицый, коренастый человек с копной вьющихся черных волос. Взглянув вкось на меня, он отцепил от пояса здоровенный складной нож с костяной белой ручкой и сунул его под подушку. «Веселое дельце!» — подумалось мне, и в памяти замелькали всяческие читанные в романах, очерках, статьях и виденные в кино истории, которые были связаны с загадочной и грозной сицилийской мафией. А ну-к, дескать, этот плечистый дядя... и так далее.

Дядя тем временем почистил зубы, спев при этом со щеткой во рту пару бодрых песенок, и, уже укладываясь под одеяло, о чем-то меня спросил по-своему, по-итальянски, а может быть, и на сицилийском диалекте. Я, естественно, его не понял и ответил, что более или менее способен о чем-нибудь очень несложном потолковать на скверном английском; если, конечно, он согласен это выдержать. Он очень обрадовался и сказал: «Май нейм из Марио». Я понял, что его зовут Марио, то есть так, как зовут почти каждого второго жителя Южной Италии. Но он решил уточнить и сказал по-иному: «Ай хев нейм Марио»,— что означало то же самое — Марио. Мы дружно сказали друг другу: «Хау ду ю ду?»; он вытащил из чемодана «вери гуд дринкинг», «очень хорошую выпивку», оказавшуюся чертовски кислым вином, а я извлек «уан ботл ов олд водка». Не зная, как перевести на английский «старка», я сказал: «олдка». Минут через пятнадцать мы друг друга понимали не кое-как, не через пятое на десятое, а вполне и отлично. С человеком из Советской страны, вот так, лицом к лицу, Марио встретился впервые в жизни и был от этого в полнейшем восторге. Он готов был рассказывать мне обо всем, что меня интересовало. Но волей-неволей мы говорили лишь о том, что было в пределах наших языковых возможностей.

Прежде чем заснуть, я поинтересовался у Марио, о чем он меня спрашивал вначале на своем языке.

— О, я хотел знать, как вы предпочитаете проводить ночь: в полной темноте или при свете ночника.

Выяснилось, что оба мы ночников не любим. Щелкнули выключатели, за иллюминатором плыла черная итальянская ночь, в стекло плескалась черная вода; слегка покачивало.

2

На рассвете, когда я вновь поднялся на палубу, из моря начали возникать озаренные еще невидным с теплохода утренним солнцем розовые скалы. В небе держалась густая голубизна, не поблекшая с ночи. Вода отливала ультрамарином. Яркие эти краски, остужаемые свежим ветром, предвещали впереди что-то необыкновенное, невиданное, интересное. И в самом деле, розовые скалы все росли, росли перед нами, особенно лезла в небо гора по правому борту, и наконец у подножия гор открылся, выйдя из волн, белый сверкающий город. Палермо. Столица Сицилии.

Затем порт, причалы, пестрая толпа встречающих. Народ, составляющий эту толпу, темпераментный, шумный. К подходившему теплоходу все устремились столь порывисто, что того и гляди повалятся в воду меж бортом и причальной стеной. У сходней — таможенники. Сицилия автономна, у нее своя таможня, и, если таможенным чиновникам вздумается, они могут учинить досмотр чемоданов. Но, как говорят люди знающие, этим чиновникам почти никогда ничто подобное не вздумывается. У сходней, правда, они исправно стоят и на проносимые мимо них вещи остро поглядывают.

Мы остановились в отеле «Медитерание» — «Средиземное море», расположенном в узкой, живописной, характерной для итальянского города улочке, в нескольких шагах от главных магистралей Палермо. С первых же шагов по сицилийской земле у нас установился дружеский контакт с приветливыми, гостеприимными людьми из общества «Италия — СССР», или, как здесь всюду произносят, «Италия — УРС», потому что наша страна в итальянском сокращении — «URSS»; одно «S» итальянцы отбрасывают и произносят: «Урс»,— что, кстати, им напоминает еще и урса — медведя, а медведи, многим тут думается, у нас так же распространены, как, скажем, в Англии комнатные собачки. Из этого общества к нам пришел его генеральный секретарь Франко Грасси, как оказалось, большой знаток истории и искусства; коллеги называли его «синьором профессором» или «профессором». Пришел молодой сицилиец-рабочий. В 1963 году он с какой-то делегацией побывал в СССР, познакомился с русской девушкой Валей, стал переписываться с ней; в 1965 году вновь отправился к нам туристом, женился на Вале и вот привез ее на Сицилию. Он знал, конечно, что на его родном острове лимонов и апельсинов существуют тайные общественные пружины. Но даже и не подозревал, насколько эти пружины сильны. Полного сил тридцатилетнего человека по чьей-то указке уволили с работы, после этого вот уже который месяц обивает он пороги заводов, фабрик, мастерских — не берут никуда. Семья бедствует. Зарабатывает одна Валя, которая взялась преподавать русский язык членам общества. Но средства у друзей СССР скудны, Вале за ее труд платят очень и очень мало.

Душой всего дела в Палермском отделении общества «Италия — УРС» является изящная шатенка с огромными черными глазами на тонком матовом лице. Ее имя Лаура, она жена племянника известного деятеля Итальянской компартии товарища Помпео Колояни. Лаура хорошо говорит по-русски, освоив чужой и трудный язык самостоятельно, и отлично водит тесный старенький «фиатик» модели «500», давно прекращенной производством.

Вместе с Лаурой и профессором, которого Лаура называет «Франка», начались наши путешествия по городу и его окрестностям, по минувшим векам и тысячелетиям, начались знакомства с людьми, с их бытом, с думами.

Прежде всего Лаура отвезла нас в парламент и представила вице-президенту парламента своему свекру Помпео Колояни, человеку того боевого поколения западноевропейских коммунистов, которое отличается ясностью и прямотой мысли, отвагой, высоким теоретическим уровнем, готовностью жертвовать собой во имя общего дела. Я уже встретил в Италии их немало, и каждый раз такие встречи волнуют. Сколько же душевных богатств эти люди способны передать молодежи, предостеречь ее от скольких ошибок, заслонить собою от скольких бед!

Колояни, крепкий, сильный, несмотря на свои годы, стремительно быстрый, весь точно вырублен из сицилийского прожженного солнцем камня. Весело балагуря, он показывает нам помещения парламента Сицилии, разместившегося после войны, после установления автономии острова в старом-старом дворце королей. Каких королей? Каких только тут их не было!

Вот кабинет президента. Небольшой по площади, но высокий, как межпланетная ракета, стрельчатый зал. Таким он стал недавно, когда сломали перекрытия трех нагороженных здесь последующими переустройствами этажей. В те поры, когда он был первоначально создан таким, этот зал-кабинет служил рабочим каби-

нетом тех королей. Сиживали тут, верша дела, и восточные и западные владыки, и германские Гогенштауфены, и австрийские Габсбурги, и северные савойцы, и Бурбоны. Отдавая свои распоряжения, сквозь эти окна смотрел на Палермо даже легендарный Джузеппе Гарибальди, пришедший со своим революционным отрядом на помощь сицилийцам в их борьбе за освобождение.

— Да, вот так,— догадываясь о моих раздумьях, качает головой Колоянни,— сицилийцы всегда в борьбе, две с лишним тысячи лет.

Островная Сицилия легла в Средиземном море так, что с древнейших времен через нее вели пути из Европы в Африку и Азию, с Востока на Запад и с Запада на Восток, из земель одних цивилизаций в земли других. Ходили через остров карфагеняне и греки, римляне и вандалы; были тут византийцы, норманны, арабы. И через тысячи лет после первых древних завоевателей, совсем уже недавно, во вторую мировую войну, именно Сицилия явилась мостом для англо-американских войск, высадивших здесь свои десанты для дальнейшего проникновения в Италию.

Лаура, невестка Помпео Колоянни, ловко ведет автомобильчик по узким улочкам среди автобусов и грузовиков. Профессор Франко Грасси поминутно просит ее остановиться то возле одной церкви, то возле другой, то посреди какой-либо площади и все рассказывает. Через архитектуру храмов мы видим сложное, трудное прошлое Сицилии. В знаменитой церкви святой Марии Адмиральской, основанной еще в двенадцатом веке, смешаны и норманнский стиль и арабский, есть тут что-то и от Византии и от барокко. Каждый новый пришелец достраивал и перестраивал на острове по-своему. В Палермо мы увидели христианскую церковь с куполами исламского храма — будто бы тесно одна к другой стоят пять мечетей. Как же это происходило? Обогнув Европу, морями, сюда пришли норманны и вытеснили арабских эмиров. Но народ-то пришлый, прижившийся здесь за два века, ведь не выдворишь за дверь страны. Он остался и при норманнах. С помощью арабов, арабских строителей, архитекторов, мастеров и начались очередные переделки на норманнский лад. Лад получался новый, а почерк оставался прежний. Все потихоньку и перемешалось. Но перемешалось не механически, не так бездарно и безвкусно, как порой благородная старина перемешивается ныне с крикливым, суетливым, безликим модерном. Архитектурные стили в те времена соединялись большими мастерами по высоким законам подлинного искусства, без того, чтобы «распалась связь времен», а именно благодаря ей, этой связи, основываясь на ее богатствах. Люди с тонким музыкальным слухом почти физически, почти как удар по нервам, по чувствам воспринимают фальшивый звук, скажем, скрипки или фортепьяно. Людям со вкусом, эстетически развитым, так же больно бывает среди сооружений прошлого, средствами архитектуры выразивших свое время, увидеть какой-нибудь модный многоэтажный сараище из железобетона и стекла. Поэтому людей без вкуса нельзя подпускать к тому, что люди создают на земле для себя и для будущих поколений.

Исколесив город, презрев почти сорокаградусную африканскую жару, мы отправились в сторону розовой горы, которая прежде всего видна с моря, когда приближаешься к Палермо,— в сторону Монте Пеллегрино. Профессор Грасси сказал, что можно завернуть в известные всему миру катакомбы капуцинского монастыря, где несколько тысяч покойников, как мумии, сохраняются в высушенном виде. Недавно, правда, в катакомбах приключился пожар, и посетителей туда пока не пускают. Но у него есть там хороший знакомый, попросить — пустит.

Я вспомнил книгу Карло Леви «Слова-камни», прочитанную несколько лет назад, и те страницы ее, на которых итальянский художник и писатель повествует о своем посещении палермских катакомб при свете свечи, когда он то и дело натыкался на эти высушенные трупы (иные из них даже падали на него), и решил отложить посещение до какого-либо иного раза, если такой когда-либо будет. Профессор сказал, что он со мной вполне согласен. Восемь тысяч мертвяков — зрелище не для каждого. Одни из них лежат в нишах, другие, как бревна, прислонены к стенам галерей, третьи даже подвешены на железных крюках. Нет, хорошо все-таки, что такой средневековый способ захоронения лет восемьдесят назад запретили.

Вместо склепов мы отправились по дороге к горам, мимо строгих, величественных замков, мимо вилл сицилийских магнатов, окруженных садами из тропических и полутропических деревьев и растений, от которых веяло неслыханными ароматами. Сицилийский аристократ ди Лампедуза в своем романе «Леопард» описал один из таких замков. Рассказывая об упадке сицилийской родовой знати, он собрал, конечно, все замки воедино, в одной фигуре старого «Леопарда» — князя дона Фабрицио Салины свел типические характеры и судьбы многих их владельцев, создав в итоге образ уходящего представителя былого мира всесильных феодалов.

Постепенно по асфальтированным серпантинам мы добрались до склонов Монте Пеллегрино, где расположен средневековый городок Монреаль. Выйдя из машины на зеленой площади, среди которой высились пальмы, я вновь подумал о книге Карло Леви. О ней мне напомнило здание склада с широко распахнутыми дверьми. У Леви (думаю, что я увидел именно это здание) сказано, что здесь был один из центров таинственной сицилийской мафии.

Я смотрел в распахнутые двери склада. Переставляя какие-то ящики с места на место, там не спеша возилось несколько человек, ничем по виду не отличавшихся от обычных людей Италии. Люди как люди. Может быть, Леви ошибся, а может быть, прошло время, и мафиисты, или, как их здесь называют, мафиози, отсюда выселились. Да и есть ли она, существует ли в наши дни эта мафия?

Профессор Грасси тем временем вел нас в старинный монастырь бенедиктинцев, в его храм, все стены и своды которого внутри выложены богатейшей мозаикой, во двор, окруженный галереей с несколькими сотнями покрытых резьбой мраморных колонн и заросший обильно цветущими растениями.

В тени галереи в прилежной сосредоточенности работал молодой художник. Он рисовал карандашом на больших листах бумаги. Рисунок у него был точный, сильный. Мы разговорились с молодым человеком. Он учится в художественном училище, на днях начнутся экзамены, и свои рисунки он готовит для строгих экзаменаторов. Абстрактное искусство? Формализм? Эти штуки, которые каждые два года возят в Венецию, на биенале? К такой «живописи» прибегают, когда художественного таланта нет, но есть способности к изобретениям. Что ж, может быть, и это когда-нибудь на что-либо пригодится. По тем «полотнам» с биенале можно создавать формы различных машин, приборов, аппаратов для химического производства. Молодой художник никого не осуждает, но лично ему глубоко чуждо так называемое «новое искусство» — причудливое древо, лишенное почвы. Искусство не может быть ни новым, ни старым, оно всегда должно быть настоящим. «Я где-то читал,— говорит он,— о таком способе выращивания овощей и плодов: почвы нет, есть лишь голый мелкий гравий, его насыщают раствором искусственных удобрений и тогда в это сажают растения». «Гидропоника?» «Да, да! Может быть, абстракция в искусстве — это и есть гидропоника искусства. Удобрительным раствором причем служат те деньги, которые за такие искусственные плоды платят заевшиеся потребители».

После полудня мы обедали в загородном трактирчике за Монреалем, куда нас завез профессор. Трактирчик стилизован под огромнейшую бочку и носит название «Бота», что и означает «Бочка». Пили местное вино, ели спагетти, а затем — рыбу «спада», что в переводе с итальянского — «шпага». По-нашему это была рыба-меч. Затем, обозревая горы и долины вокруг, буйную, щедрую природу, философствовали на различные темы. От профессора я узнал, что у Сицилии есть и еще одно название, так сказать, расхожее, фамильярное: «Тринакрия»,— которое дали ей за ее характерную, напоминающую треугольник конфигурацию.

— Я не знаю сегодняшней статистики,— говорил профессор, потягивая вино,— но еще несколько лет назад наш остров производил до девяноста процентов лимонов от всего сбора в Италии. Можете представить, а? По этим цитрусовым мы, сицилийцы, занимаем второе место в мире. После Испании. Давали мы три четверти от общего сбора мандаринов, две трети апельсинов, одну пятую олив...

— А как с виноградом?

Он пожал плечами.

— Это не главная наша культура. Правда, в последние годы стараются больше сажать именно его, винограда. Выгоднее, знаете. Лимоны слишком дешевы, апельсины тоже. А виноград... Это же вино! Иной за всю жизнь не съест ни лимона, но вина-то непременно хотя бы бутылочку, да выпьет. А есть и такие, что лимона все так же не съедят ни штучки, а вина выпьют не бутылку, а и всю цистерну! Кроме того, вино не испортится от долгих дорог, его можно везти хоть на другой конец земного шара, если предположить, что у шара возможны какие-либо концы. Вино можно хранить десятилетиями...

Шаг за шагом, при помощи моих друзей, Лауры и профессора Грасси, я все больше узнавал об острове, который мог бы стать одним из цветущих краев земли, но не стал им из-за своей тяжкой судьбины. Народам его — от исконных древних сиканов и сикулов до народа нынешнего — так никогда и не удавалось пожить жизнью спокойной, поработать, потрудиться на себя. Сиканов и сикулов обратили в рабство карфагеняне и греки, насаждавшие на плодородных побережьях Сицилии свои колонии, строившие здесь руками, потом, кровью рабов храмы и театры, дворцы и купальни. Позже, в латифундиях древних римлян, те же сицилийские аборигены вместе с пригоняемыми отовсюду пленниками вспахивали деревянными плугами на себе землю под виноградники и оливы, под пшеницу и другие злаки, работали на хозяев до смерти в серных, удушливых рудниках. Сицилия была подлинной житницей для тех, кто ее захватывал. Свистели бичи, плети, палки, лилась и лилась кровь тех, кто не хотел быть покорным захватчикам. Рабы восставали, их распинали на крестах. Сицилийскую землю время от времени сжигают ветры из соседних африканских пустынь, на сицилийцев нет-нет да и извергнет потоки лавы и черного пепла вдруг просыпающаяся Этна, далеко видная с гор и холмов более чем трехкилометровая вышка острова. И все-таки люди здесь живут, они любят свой остров и не теряют надежд на лучшее.

3

На Сицилии живет интересный писатель Леонардо Шаша. Одна из его книг, «Сова появляется днем», была переведена на русский язык и хорошо встречена советскими читателями.

Чтобы повидать Шашу, мы с И. Ф. Огородниковой вдвоем отправились в центральную часть острова поездом, состоявшим из нескольких обтекаемых вагонов. Поезд из Палермо понесся вдоль морского побережья со страшной скоростью, за окнами замелькали рощи, рощи, рощи лимонов, лимонов, лимонов. Потом сквозь туннели, туннели, туннели он свернул от моря в сторону. Начались горы и косогоры, луга с чахлой травкой, голые камни. Среди камней на косогорах и кручах паслись овцы. Мне припомнился фильм о сицилийском крестьянине, который через такие же горячие каменные гольцы гнал отару своих овец, уходя от карабинеров, потому что нарушил какой-то местный закон; воды в горах не было, солнце палило, и овцы одна за другой дохли, пока не подохли все. Страшная картина. И вот вся увиденная в ней природа, вся та обстановка — въявь передо мной. Только овцы не падают, а, силясь избежать лучей солнца, стоят вкруговую тесными группками, опустив головы к земле, подставив солнцу спины и курдюки.

Не скажу, сколько мы миновали туннелей среди скал и ущелий, пока наконец не вылетели из одного из них, длиной километров в семь-восемь, на равнинку возле города Кальтаниссетты, в котором живет Леонардо Шаша.

В доме Шаши нас усадили обедать. За столом были жена писателя синьора Мария и две его дочери. Старшая, Лаура, уже студентка, учится в Палермо, младшая, Анна-Мария, заканчивает школу.

Несмотря на известные языковые трудности, пошел интересный общий разговор. Леонардо Шаша скромен и мягок в манерах, в жестах, в словах. С ним спокойно, неторопливо, как-то надежно. Он родился на южном берегу Сицилии, в городе Агридженто. В Кальтаниссетту приехал когда-то учиться, да так и остался тут, сам став учителем. Первая его книга не была ни романом, ни повестью. В ней Шаша рассказывал о своем опыте обучения ребятишек. Увлекся историческими исследованиями. Рылся в архивах, в документах. Нашел материал об испанской инквизиции, жаловавшей когда-то Сицилию вниманием. Возник замысел новой книги — «Смерть инквизитора», документального повествования о сицилийской инквизиции, которая последнее аутодафе, когда человека сожгли живьем, устроила не так-то уж и давно — в первой трети восемнадцатого века. Шаша вдруг помянул мафию, страшным деяниям которой в наши дни посвящена последняя, только что вышедшая его книга.

— Значит, мафия существует и действует?

— А как же! Это давняя организация на Сицилии. Когда-то она была совсем другой. Она зародилась как самооборона крестьян от феодалов. Но той мафии уже давным-давно нет. Под таким названием после объединения Италии, и в частности после присоединения к Италии обеих Сицилий в 1861 году, возникла иная мафия, уже более близкая к нынешней. Это была тайная организация националистов, постепенно превратившаяся в оружие феодалов против крестьян. Действовали мафиисты в ту пору только в деревне. А вот теперь они уже и в городах. В Палермо, например. Человек, неугодный мафии, жизни будет не рад, если она против него ополчится. Скажем, он нигде не сможет найти работы. Годами. Пока не покинет остров.

Я вспомнил мужа нашей русской Вали, который именно так обивает пороги в поисках хоть какого-нибудь заработка.

Дружелюбный, спокойный, Леонардо Шаша — отличный собеседник. Суждения его о жизни, о том, что происходит в мире, точны и ясны.

— Насчет тех молодых ваших писателей, которые под псевдонимами печатали за рубежом свои антисоветские произведения? Что же тут сказать... Ну, во-первых, сам по себе поступок ваших инкогнитчиков не вызывает никакой симпатии. Если честный человек с чем-то не согласен, он высказывает это открыто. А если он позволяет себе иметь два лица, он уже нечестный человек. А во-вторых, я не читал их широко разрекламированных книжек. Таких книг, вокруг которых начинается политическая шумиха, я вообще не читаю.

Шаша с горечью говорит о том, как повсюду в мире буржуазная печать освещает советскую литературу.

— Собственно, о вашей литературе, о ваших произведениях там почти ничего и нет. Только политика, политиканство и окололитературные скандалы. Мы... вот я, мои товарищи, моя семья... никто из нас ничего толком не знает о советской литературе. На итальянский с ваших языков переводятся крохи и, мне думается, с каким-то особым, тщательным отбором. Вы страна особенная. Но вот этих ваших особенностей в том, что для нас переводят, мы не находим, не видим. Жаль, очень жаль.

Сам Шаша в большинстве пишет о своей Сицилии, о том, что является неповторимым сицилийским. Он превосходно знает свой остров, свой народ. От Шаши я узнал, что далеко не все сицилийцы выдерживают условия жизни на родном острове, далеко не у всех любовь к родине берет верх над трудностями жизни.

— Хотите знать: с нашей Сицилии, где сегодня, по официальным данным, всего-то миллионов пять жителей, за последние пяток лет выехало кто куда, на поиски куска хлеба пятьсот тысяч человек. Десять процентов эмигрировало! Шутка? А с начала века по свету рассеялись миллионы сицилийцев.

— Миллионы?

— Да. Трудно людям живется, неимоверно трудно. Особенно крестьянам. Поездите по острову, поинтересуйтесь.

4

Я смотрю на его обожженное солнцем лицо в крупных, резких чертах, на большие, тяжелые крестьянские руки, на то, как вместительные их ладони наотмашь рубят густой июльский воздух. А он, шагая от окон, за которыми под склоном берега в мертвом штиле изнывает си-

А. И. ЛАКТИОНОВ. ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО АЛЬБОМА. КАПРИ.

нее Тирренское море, к окнам, распахнутым прямо в рощу лимонов на крутом каменистом подъеме в гору, читает гулкие, стреляющие стихи.

Читает он их на сицилийском диалекте, и, пока это будет переводиться на итальянский, а затем на русский, у меня есть время припомнить недавно вышедшую у нас в Советском Союзе небольшую книжечку стихов хозяина дома над морем — Иньяцио Буттито.

Я не поэт:
Мне соловьи претят,—

вразброс вспоминаются задиристые строки,—

и теплый ветер, лижущий траву,
и листиков трепещущие крылья.

...я чужд поэзии,
коль скоро это слово означает
луну,
зажженную, чтоб озарять влюбленных.

Литературные снобы заявления такого рода, как известно, встречают выкриками: да, вот именно — ты действительно не поэт, коль способен отозваться так о соловьях, о луне, о влюбленных, о пушистом снеге на Никитском бульваре; чувства твои неразвиты, тупы; бесталанен ты, братец, лучше куй что-нибудь там и паши, не оскверняй слух истинных ценителей музыки слова своим звяком и бряком.

Слыхал подобные выкрики, видимо, и сицилиец Буттито. Не зря же стихотворение свое он с откровенной полемической прямотой так и назвал: «Я не поэт»,— страстно, по-бойцовски утверждая в нем дальше:

Но если ты, поэзия, велишь
звать из лачуг, для холода открытых,
людей больных, задавленных, забытых
и гнущих спину на чужих полях,
что кровь и пот берут в уплату
за корку хлеба и за горсть оливок;
но если ты, поэзия, велишь
из подземелий серных рудников
исторгнуть плоть полуживых созданий,
пожизненно приговоренных к аду
(вот истинное вдохновенье!)...

Буттито прервал чтение стихов, взмахнул руками и стремительно, в полном соответствии со своим пироксилиновым характером, выскочил из комнаты.

О чем же он прочел только что? Его стихами изложена история рабочего-сицилийца, который, чтобы всей семье не умереть с голоду на родном острове, завербовался и уехал на угольные шахты в Бельгию. Прикопив там денег, он решил вызвать туда и семью. Жена, дети рады: скоро увидят отца; они садятся в поезд, переправляются паромом на материк, пересекают всю Италию и уже на севере ее, включив транзистор, чтобы послушать музыку, узнают о том, что при очередном взрыве или обвале в шахте, которые так часты в Бельгии, погиб их родной человек. Трагическая, страшная ночь в поезде, летящем сквозь темень в чужую даль...

Буттито верен себе: и тут нет ни соловьев, ни лун, ни листиков трепещущих крыльев.

Пока хозяин где-то пропадает, я осматриваю его жилище. Постоянно он живет, собственно, не на этом зеленом клочке над морем, а в сельском трудовом городке Багерии, тоже неподалеку от Палермо. Здесь же его дача, врубленная в склон горы, здесь его лимонная роща; здесь он любит побыть в одиночестве, пораздумывать о нелегкой жизни сицилийцев, жизни того обездоленного народа, среди которого он родился 65 лет назад. Его родная Багерия городком стала не так уж и давно; в те времена, когда Иньяцио носился по ее улочкам в толпе босоногих смуглых сверстников-мальчишек, она была деревней, славившейся тем, что в ней было много мастеров, сооружавших знаменитые расписные сицилийские тележки, в которые запрягают ослов и мулов. Тележки эти знамениты тем, что расписаны пестро и очень сюжетно: тут тебе и сценки из священного писания, и какие-то рыцарские истории, и преступников-то казнят на эшафотах, жгут кого-то, режут, венчают. Фон яркий — чаще всего красный или желтый. Отец Иньяцио Буттито тоже сооружал их, такие удивительные тележки.

Сквозь окна километрах в двенадцати — пятнадцати по побережью вижу белые дома Палермо, охватившего полукольцом обширную бухту; за бухтой, еще западнее сицилийской столицы, вижу уже известную мне гору Монте Пеллегрино. Хожу вдоль стен, вдоль полок с книгами. Тут есть даже и на русском языке. Да, это стихи советских поэтов, томики с дарственными надписями Буттито: Николай Браун, Сергей Смирнов, Александр Решетов, Иосиф Нонешвили... На стенах размещены рисунки друзей Буттито — Карло Леви и Ренато Гуттузо. Вот Иньяцио Буттито сфотографирован в обществе наших соотечественников — поэтов и прозаиков за ресторанным столом где-то во Флоренции, куда они приезжали о чем-то спорить.

Хозяин наш появляется вновь с бутылками в руках.

— По стакану местного вина! Кстати, то, что я вам сейчас прочел...— он разливает вино в зеленые бокалы,— ...это текст кантастории. Вы, конечно, слышали о нашей сицилийской кантастории? Ну да, понятно. Сейчас!

Он опять исчезает и приносит большой рулон, похожий на свернутую школьную географическую карту мира, которую обычно подклеивают на белую ткань, развертывает его, и мы видим полотнище, разделенное на клетки, и в каждой клетке яркими красками в лубочной манере изображен какой-то пока нам неведомый, но острый сюжет: кто-то кому-то, озираясь по сторонам, передает пачку денег; кто-то собрал вокруг себя молодцов с кинжалами и ружьями в руках и, склонясь к их ушам, шепчет нечто, судя по их напряженным лицам, до крайности важное; в следующих клетках эти молодцы палят из своих ружей по толпе крестьян в горной теснине — кровь, убитые, плачущие женщины; потом какая-то комната, в ней раздумывающий человек; этого человека кто-то... Узнаем его: он тот, кто в одной из первых клеток протягивал пачку денег! А раздумывающий человек — тот, кто получал эти деньги, кто инструктировал молодцов и командовал ими в горах при нападении на крестьян!.. Так вот, раздумывавшего, дававшего деньги кто-то убивает из револьвера.

Буттито ставит пластинку на проигрыватель, пластинка сильным, приятным баритоном в сопровождении тревожно рокочущей гитары поет о чем-то очень грустном и неизбежном.

— Сейчас вы это слышите в грамзаписи,— поясняет хозяин.— А в натуре оно происходит

иначе. Приезжают кантастористы — обычно их двое — в деревню на автомобиле, если имеют его, но чаще, понятно, на мотороллере или просто на поезде. Собирают людей, желающих послушать,— таких в деревне, да и в городах, всегда достаточно: кантастории у нас очень любят. Развешивают кантастористы вот такое полотнище с рисунками. Один поет, указывая указкой на должную клетку, другой аккомпанирует на гитаре. Но их может быть не обязательно двое, может и один все это проделать. Сюжеты кантасторий, как правило, или трагичны, или очень трогательны. Почти всегда они построены на местных, широко известных сицилийцам событиях. Это своего рода глубоко народный музыкальный передвижной театр. В переводе слово «кантастория» — это как бы «история, которая поется». Говорят, что у вас, в Советском Союзе нечто подобное когда-то было.

— Да, бывало. «Живгазета», «живая газета». И пользовалась она большой популярностью.

— У всех народов такое было! — подхватывает хозяин дома.— Что же, по-вашему, есть Гомер с его «Одиссеей», как не мастерский свод древних кантасторий?!

Буттито останавливает пластинку с ее печальной песней.

— Вы слушали историю знаменитого на Сицилии бандита Сальваторе Джулиано. Не зная нашего языка, вы, конечно, ничего не поняли и могли только оценить музыкальный настрой кантастории. Я перескажу вам ее своими словами.

Буттито отхлебнул глоток вина.

— В тысяча девятьсот сорок седьмом году, еще при министерстве Шельбы, в одном горном местечке — оно называется Портелла делла Джинестра — была устроена крестьянами маевка. На поляну меж подступивших к ней скал собрались жители нескольких окрестных селений. Они пришли с флагами, приехали на повозках, на которых были припасы, чтобы после митинга подкрепить силы, с музыкой. И вот, когда люди уже сидели на земле, когда с большого валуна заговорили ораторы, из-за окружавших поляну камней ударили ружейные выстрелы. Вот смотрите: та женщина, схватившаяся за голову, это Епифания Барбато. На земле лежит ее сын. Он мертв, его сразили пули банды Джулиано. Епифания уже потеряла одного сына на войне. Теперь — второй. «Бедные всегда виноваты,— рыдает мать,— даже здесь. Почему так?» А вот другая женщина... которая лежит. Окруженная пятью плачущими ребятишками. Маргарита Клишери. Ее ранили, беременную шестым. Глаза, видите, открыты, она мертва. Здесь точно воспроизведена действительность: Маргарита Клишери умерла именно так — с открытыми глазами, что особенно врезалось в память крестьян. Многих бандиты убили, еще больше ранили и спокойненько ушли в горы.

— Ну, а другие картины — перед этой и после нее,— что означают они?

— Дело в том, что Джулиано не по своему почину напал на крестьян, праздновавших Первое мая. Его наняли для этого демохристиане, которые боролись против нараставшего влияния коммунистов в сицилийских деревнях. Хотели запугать, сорвать праздник. На одной из картин как раз и изображена передача денег вожаку банды. По поручению хозяев эти деньги вручает ему его родственник Пишотто, тоже бандит, состоявший в мафии и в то же время выполнявший задания министра внутренних дел. Дальше, как видите, этот Пишотто после нападения банды на маевку явился к Джулиано, когда тот скрывался в доме сельского священника... вот Джулиано сидит там и раздумывает... Выстрелами из револьвера Пишотто убил его. Выполнил, таким образом, задание министра внутренних дел. Убить Джулиано понадобилось потому, что он (в чем-то бандит и министр не сошлись) грозился разоблачить тех, кто его нанял. А дальше получилось точно так, как было позднее после убийства президента Соединенных Штатов: Пишотто, убившего Джулиано, в свою очередь, засадили в тюрьму и там отравили. Концы, как говорится, в воду!

— Нельзя ли еще раз послушать эту пластинку? — попросил я.

Теперь, когда мне стало известно содержание кантастории о крестьянах, праздновавших Первое мая, и о разбойнике Сальваторе Джулиано, когда к каждой картине я мог приложить соответствующий текст, слушалось и смотрелось все совсем по-другому. Певец прекрасным голосом вел тебя по сицилийским дорогам и полям, подымал на каменистые кручи, заставлял плакать вместе с убитыми горем матерями над их павшими детьми, разделять неизбывное горе детей, оставшихся сиротами. Нетрудно было представить, какое воздействие кантастория эта оказывала на деревенских зрителей и слушателей.

Буттито водил меня по каменистым террасам на склоне горы над своим домом, показывал ряды лимонных деревьев, густо и грузно обвешанных крупными зрелыми плодами; рассказывал, сколько труда вкладывает он ежегодно в эту рощу, за несколько лет перетаскав на себе в гору тонны земли и удобрений, каждую весну, лето и осень перекачивая бесчисленные кубометры воды для поливки деревьев, а в итоге имеет одни убытки, потому что перекупщики за килограмм лимонов платят какихнибудь сто лир, когда картошка на городских рынках стоит в два-три раза дороже; он зло поддавал ногой отличные плоды, от спелости упавшие на землю, горячился и шумел, но мне все думалось о той трагедии, которая одним майским днем разыгралась в Портелла делла Джинестра. Что-то уж очень характерное, типичное для сицилийской жизни чуялось в этой истории.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ФОРМЫ

Двенадцатое столетие грузины называют своим «золотым веком». В это время, в эпоху легендарной солнцеликой царицы Тамары, Грузия обладает огромной военной и экономической мощью, расцветает светская литература, в полную силу звучит голос гениального Шота Руставели, достигает своей вершины чеканное искусство. Именно тогда великие мастера Бека и Бешкен Опизари создали школу чеканки, произведения которой поныне бережно хранятся в музеях Грузии.

Однако постепенно в силу целого ряда исторических причин грузинское чеканное искусство деградировало, а затем и вовсе перестало существовать. Долгое время казалось, что чеканка — достояние прошлого, памятник древней культуры.

Но в 1953 году на осенней выставке в Тбилиси появился отчеканенный на латуни портрет выдающегося грузинского скульптора Якова Николадзе. Это была работа выпускника Академии художеств Ираклия Очиаури. И зрители и художники встретили ее равнодушно, но Ираклий не унывал. Мысль о возрождении грузинской чеканки не давала ему покоя. Помогла любовь. В подарок невесте он отчеканил серебряный медальон. И произошло чудо. На следующий день после свадьбы чуть ли не весь Тбилиси говорил о прекрасном произведении Ираклия. А вскоре различные украшения, созданные им, приобрели огромную популярность.

Вскоре к Ираклию присоединяются еще трое молодых мастеров: Гурам Габашвили, Коба Гурули и Дмитрий Кипшидзе. Этот квартет создал чеканные панно, которыми восхищались любители изобразительного искусства Москвы и Ленинграда, Киева и Вильнюса, Англии, Франции, Польши... Знаменитый скрипач Исаак Стерн, уезжая из Тбилиси, как самую большую драгоценность, вез с собой подарок Дмитрия Кипшидзе. Автор широко известных у нас романов «Жажда жизни» и «Моряк в седле» Ирвинг Стоун провел несколько часов в мастерской Коба Гурули.

Все эти четыре мастера весьма отличаются друг от друга и ставят перед собой различные задачи. Но вот что характерно для всех: древнейшее искусство сегодня не просто родилось заново. Молодые чеканщики многому научились у своих великих предшественников, но затем шагнули вперед, расширили границы искусства чеканки. Претворяется в жизнь мечта чеканщиков о синтезе архитектуры и чеканки, открывающем большие возможности в создании красивых, национальных по духу ансамблей. И уже есть в Тбилиси Дворец бракосочетания, оформленный Ираклием Очиаури, и Музыкальный театр, который украшает огромное панно Коба Гурули, и хинкальная, во всю стену которой выполнено чеканное «полотно» Дмитрия Кипшидзе.

А за четверкой «отцов» современной грузинской чеканки идут новые талантливые мастера. В Грузию пришла эпоха возрождения древнего искусства, оно обрело второе дыхание.

М. МУРАВНИН

ПЕСТРЫЕ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ • ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ •

Кому куда.

— Смотри, осторожнее переходи дорогу.

ВПРИПРЫЖКУ ЗА МОТОЦИКЛОМ

Житель швейцарского села Фраунфельд приобрел слоненка. Между человеком и животным завязалась трогательная дружба. Слоненок везде сопровождает своего хозяина и даже не отстает от мотоцикла.

В АЭРОПОРТУ

Рисунки Ю. Черепанова.

— Если еще раз отложат рейс, то он попадет в вытрезвитель.

— Товарищ пилот, очень прошу, избегайте воздушных ям: я везу с собой сервиз.

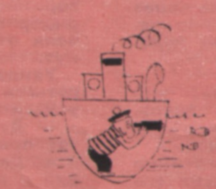

Модерн все-таки удобнее.

ОТВАЖНАЯ МАМА

Милорад Главан в окрестностях города Дубровника (Югославия) нашел в траве маленького зайчонка и взял его на руки. Когда охотник позвал друзей и стал им показывать добычу, неожиданно на него набросилась зайчиха. За ее смелость Главан отпустил на волю зайчонка.

СТЕКЛЯННЫЙ КОРАБЛЬ

В Шотландии спущено на воду судно, сделанное из стекловолокнистого материала. Грузоподъемность корабля — 600 тонн.

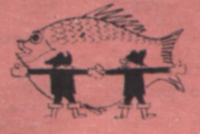
СВЕРХОРКЕСТР

Во время национального смотра духовых оркестров в Тронхейме (Норвегия) собралось рекордное число музыкантов. Впервые музыкальные произведения исполнялись оркестром, состоящим из двенадцати тысяч человек.

МЕСТЬ ВОРА

Одна из венских газет сообщила, что в Граце осужден на длительный срок тюремного заключения Вильгельм Пинтарич, который украл из института криминалистики инструменты для взлома.

ОКУНЬ-ВЕЛИКАН

Недалеко от берегов Калифорнии пойман морской окунь весом в двести пятьдесят килограммов и длиной в два метра.

ОТВЕТЫ НА «ВИКТОРИНУ 1928 ГОДА»

В предыдущем (6-м) номере «Огонька» мы предложили вашему вниманию десять вопросов из викторины 1928 года. Надеемся, что они послужили хорошей тренировкой вашей памяти. Впрочем, судите об этом сами.

1. Первым советским наркомфином был один из старейших русских революционеров — Иван Иванович Скворцов-Степанов.

2. Слово «пролетарий» происходит от латинского «пролес» — потомок. В древнем Риме пролетарием называли человека, не имевшего ничего, кроме детей.

3. Робинзон Крузо бывал в России. Ведь после своего спасения ему пришлось проехать через Китай, Сибирь, Урал и далее до Архангельска, откуда морем в Англию.

4. Каким научным трудом, написанным более двух тысяч лет назад, мы пользуемся и сейчас? Вы, наверное, догадались, что речь идет о знаменитой геометрии Евклида.

5. Первый советский пост Ф. Э. Дзержинского — комендант Смольного в дни Октября.

6. Вопрос о том, бывал ли А. С. Пушкин за границей, с подвохом. Дело в том, что он нигде, кроме России, не был.

7. Самый большой магнит на Земле — сама Земля.

8. Советское правительство установило памятник немецкому ученому Рентгену (в Ленинграде).

9. В викторине спрашивалось, кто был комиссаром Учредительного собрания в 1918 году. Им был замечательный революционер-ленинец М. С. Урицкий.

10. У кремлевской стены похоронен американский писатель-коммунист Джон Рид, автор известной книги «10 дней, которые потрясли мир».

13. ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО

«Здравствуй, Михаил!

Твое письмо и обрадовало меня и огорчило. Что с тобой произошло?

Когда ты так неожиданно исчез, я подумала: значит, попал в какую-то нехорошую историю, связался с преступниками. И не хотелось в это верить, а другого объяснения у меня не было. Да и все у нас решили так же, почти все.

Зла я на тебя не держала, но обидно было до слез, что ты меня обманывал. Ни одной женщине не пожелаю пройти через то, через что прошла я.

До самого Сашкиного рождения ходила, как побитая собака, глаз от земли не поднимала. Потом понемногу стала оживать, а тут ты о себе напомнил. Нет, не подумай, я тебя не забывала никогда, но эта посылка денег меня покоробила. Грубо все вышло, нечисто, не полюдски. Деньги твой посланец подбросил в Сашкину коляску. Я после этого Сашку перестала в ней возить.

Я знала, что деньги от тебя. Больше не от кого было. И после этого окончательно уверилась, что ты связался с нечестной компанией. Потому что честные люди так не поступают.

Ну, ладно, тут дело ясное. У тебя своя голова на плечах, ты давно уже не мальчик и можешь распоряжаться своей судьбой, как считаешь лучше. Не мне тебя учить. Самое обидное в другом. Зачем ты меня обманывал, лгал по мелочам? Вот ты говорил, будто живешь в плохоньком домишке на окраине, а это была неправда. А история с моей поездкой в Москву? Я ведь тогда была глупая и наивная, верила тебе целиком. У меня мелькнула смутная догадка, что не все так просто, как ты объяснял, но тебе я доверялась больше, чем себе. А теперь ты просишь извинения за эту поездку. Значит, тоже врал? Вот что обидно до глубины души. Меня всегда учили: говори только правду, даже самую горькую. Ты поступал иначе. Не считай это упреками, но высказать тебе все я должна. И покончим с этим. Расскажу о Сашке.

Можешь радоваться: он очень похож на тебя, теперь это уже видно. И нос, и глаза, и лоб совершенно твои. Моего, кажется, нет ничего.

Очень живой и веселый мальчик. Рос нормально, на редкость спокойный, почти не плакал и не капризничал. Соседки даже удивлялись. Крепкий, здоровый, ничем пока не болел.

В общем, все отлично, только вот не знаю, правильно ли я ему отчество дала: Михайлович. Фамилия-то у него настоящая, моя, а вправду ли ты Михаил? Может, тебя зовут по-другому? Но ничего, переживем. Раз записала Михайловичем — пусть так и будет. Ты для меня останешься тем Михаилом, которого я знала.

Думаю, тебе будет интересно послушать, как реагировали на твое исчезновение в парке. Начальник долго не хотел верить: мол, как же так, образцовый работник и прочее. Слива, чью машину ты взял (помнишь его?), горячо тебя благодарил (в кавычках, конечно). За разбитую машину с него не вычитали, хотя она была новенькая.

Мне пришлось проглотить несколько сплетен на наш с тобой счет. Чего только не болтали! К счастью, сплетников у нас не так уж много, им быстро заткнули рты. Ребята отнеслись ко мне по-товарищески. Сашку, между прочим, шутя зачислили в парк, в первую колонну.

Ну вот, кажется, я написала все, что могло интересовать тебя. Теперь поговорим о том, что не дает покоя мне.

Твое письмо пришло не по почте, его принес нарочный. Он сказал: если я пожелаю ответить, то должна передать свой ответ в областное управление КГБ. Из этого нетрудно сделать заключение, что ты арестован, но за что? Что же такое должен натворить человек, чтобы его забрали в КГБ? Неужели ты предатель? Или, боже упаси, шпион?

Это не укладывается у меня в голове. Откровенно скажу тебе: я готова была простить и уже простила авансом, если бы ты оказался замешан в какую-то уголовщину. Я уверена была, что ты по своей доброй воле не можешь сделаться вором или бандитом, а если сделался, то виноваты тут какие-то твои темные дружки, старые связи, которые ты не мог разорвать по каким-то тайным причинам.

Нет, ты не можешь быть предателем и тем более шпионом. Но тон твоего письма меня смущает, что-то очень плохое и неладное произошло. Но что? Такие вопросы, догадываюсь, не имею права задавать. Разве что самой себе.

Кто же ты все-таки есть на самом деле? То вдруг мне кажется, что ты почему-то не наш, а вроде бы иностранец, так, во всяком случае, вытекало из твоего письма. Потом с отцом какая-то непонятная история. Нет, я совсем запуталась и ничего не понимаю. К сожалению, твое письмо не у меня, и по этой причине я не могу вновь к нему вернуться и уже в более спокойной обстановке еще раз все взвесить и сопоставить.

Понятно одно: ты был не тот, за кого выдавал себя. Неужели ты и со мной просто так, по-человечески был двуличным? И все твои слова, которые говорились только для меня, были игрой? Это было бы слишком подло.

Не хочу скрывать. Я отношусь к тебе теперь уже не так, как прежде, но ты мне не чужой и никогда чужим не сделаешься. Я хочу с тобой встретиться. Возможно ли это? Может быть, мне попросить в КГБ о свидании? Если тебе разрешат написать еще раз, объясни, как мне поступить. Ведь если позволили послать это письмо, то, наверное, отношение к тебе неплохое. Разузнай все и постарайся ответить. Буду ждать с нетерпением.

Я сейчас в таком состоянии, сама себя не узнаю. Ты, помнишь, все надо мной подтрунивал, говорил, что я такая спокойная: хоть крыша обвались, а я все же допудрюсь. Так вот, теперь вообще не пудрюсь. Даже Сашка чувствует, как я мечусь. Но постараюсь найти равновесие.

Что еще написать? Сначала не хотела, но потом подумала, что ты должен это знать, хотя тебе будет неприятно. Дом, в котором ты жил, сгорел. Дотла. И в нем погиб твой хозяин, старик (кажется, его фамилия Дембович?). Я несколько раз ходила на пожарище, но потом там на калитку повесили замок. Участок так и пустует с тех пор.

Посылаю тебе фотокарточку Саши. Здесь ему ровно год.

Передай от меня большое спасибо тем, кто разрешил нашу переписку. Живу нормально. Лишнего не имею, а все необходимое есть. Не жалуюсь.

Вот все.

Желаю тебе самого лучшего. Главное, будь хоть теперь честным перед людьми и перед самим собой. Мария».

14. ПАРТНЕРЫ, ДОСТОЙНЫЕ ДРУГ ДРУГА

На следующий день после встречи с Антикваром Кока приступил к выполнению полученного задания. Справочное бюро через тридцать минут снабдило его адресом, а уже через час он звонил в квартиру, где жил Борков.

Дверь долго не открывалась. Наконец недовольный старческий голос спросил:

— Вам кого?

— Я из Госстраха, можно на минутку?

— Страхи, госстрахи... — открывая дверь, беззлобно передразнил старичок, седенький, в аккуратной жилетке с меховой подпушкой.

Старичок строго оглядел Коку и, картинно поклонившись, движением руки пригласил его в комнату.

— Милости просим, сударь. Я вас слушаю.

— Николай Иванович,— представился Кока.

— Дмитрий Сергеевич,— ответил старичок.

Кока пространно разъяснил цель и задачи государственного страхования, рассказал о выгодах для граждан, пользующихся его услугами. Красноречие Коки подействовало на Дмитрия Сергеевича, и он охотно застраховал не только свою собственную, но и жизнь своей супруги. Когда формальности были закончены, Кока поинтересовался соседями.

— Да живет тут один молодой человек,— ответил Дмитрий Сергеевич.

— Он дома?

— Нет, на работе, придет поздно. Сказал, партийное собрание.

— Досадно.

— А вы что, получаете с охвата?

— Конечно.

— Ну, тогда не расстраивайтесь. Володя Борков страховаться все равно не будет: молод и здоров.

— Знакомая фамилия. Он давно здесь живет?

— Раньше меня въехал.

— Не беспокоит?

— Да всякое бывает.

— Что, пьет, шумит?

— Бывает, говорю... Супруга моя его воспитывает.

— И помогает?

— Не всегда.

— Ну, извините, Дмитрий Сергеевич, за беспокойство. Благодарю вас. До свидания.

— До свидания, сударь.

Кока для вида зашел в соседнюю квартиру, а затем, довольный своим визитом, покинул дом. Бланки Госстраха, взятые им у знакомого, оказались как нельзя кстати и помогли успешно решить задачу. Однако проверка на этом не заканчивалась. Теперь Кока искал нового случая для встречи с Борковым.

Благовидный предлог подвернулся сам собой. 15 января 1964 года Кока встретил возле дома Юлю, разговорились, и Юля сказала, между прочим, что в субботу, 18 января, у нее день рождения. Коне не стоило труда получить от нее приглашение.

Восемнадцатого, ровно в семь вечера, Кока явился к Юле домой. Из гостей он был первый. Юля познакомила его со своими родителями, которые были заметно удивлены, что у их дочери такой пожилой друг. Юля коротко объяснила, что Кока живет по соседству и, кроме того, их связывают общие друзья: она имела в виду Римму и Боркова. Родители, по видимости, были удовлетворены этим разъяснением. Однако Кока понял, что он не очень-то им приглянулся.

Кока вручил Юле подарок — серебряный браслет старинной работы, редкую вещь, долго хранившуюся в его коллекции. Юля была в восторге.

К восьми гости наконец собрались. Пришло человек пятнадцать, все молодые люди. Были среди них и Римма с Борковым.

Кока сел за стол рядом с Риммой, по правую руку от нее. По левую занял место Владимир Борков. Он был серьезен и не слишком разговорчив. Казалось, какая-то забота лежит у него на душе.

Но тост следовал за тостом, становилось все веселее и непринужденнее, и Кока, который позволил себе выпить лишь совсем немного сухого вина, замечал, что Борков постепенно оттаивает.

По робкой просьбе Юлиных родителей договорились за столом не курить, выходить в коридор или на кухню. Вскоре курильщики начали отлучаться по очереди на несколько минут.

Увидев, что Борков достал из кармана сигареты и зажигалку, Кока попросил извинения у Юли и Риммы и поднялся из-за стола.

— Душно там,— сказал он Боркову, когда тот появился следом за ним в коридоре.

— Да, жарковато,— согласился Борков, закурив и выпустив клуб дыма к потолку.

— Как поживаете, Володя? — задал банальный вопрос Кока.— Давненько вас не видел...

— Да по-разному. Вернее, жизнь в полоску.

— Простите?.. — не понял Кока.

— Ну, полоска красная, потом полоска черная, потом опять красная. С переменным успехом, в общем.

— Полагаю, так даже интереснее.

— Возможно. Но лучше было бы без черных полосок.

— А отчего же они появляются?

— По различным причинам.

— На работе нелады?

— Всякое бывает и на работе. У нас иначе нельзя. Век такой.

— А вы, если не секрет, кем служите?

— Это не секрет. Я инженер-конструктор. Придумываю разные машины и приборы.

— Много получаете?

Кока опасался, что Борков сочтет его вопросы назойливыми, но тот как будто не придавал этому мимолетному разговору в коридоре ровно никакого значения и отвечал с уже знакомой Коке ленивой иронией:

— Человек так устроен: ему всегда мало, сколько ни получай. Не мне вас просвещать.

— Я спросил не из пустого любопытства,— сказал Кока серьезно.— Вы мне симпатичны, и вот у меня появилась мысль, не могу ли я быть вам полезным.

— В чем? — со вздохом спросил Борков.— Валюта мне больше не понадобится, за границу не собираюсь.

— Я не валюту имею в виду.

— Что же тогда?

— Мне нужна помощь в одном деле. Для вас

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

это было бы вроде сверхурочной работы. Оплата, уверяю, очень неплохая.

Борков посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

— С вами опасно связываться. Вы же валютчик, но, простите, старый человек. А я молодой специалист, мне еще жить да жить. Молодому специалисту из почтового ящика лучше не иметь дел с валютчиками.

Кока подумал, что его шеф, пожалуй, был все-таки прав, когда рассуждал по поводу карьеры.

— Я не навязываюсь,— произнес он, словно бы искренне разочарованный.— То, что я собирался вам предложить, не имеет к валюте никакого отношения. А насчет того, что я стар, вы правы.

— Не хотел вас обидеть,— сказал Борков.— Простите.

— Ничего, я не из обидчивых. Но жалко, что вы отказываетесь. Могли бы прилично заработать.

— Криминал в этом есть? — спросил Борков.

Кока усмехнулся.

— Отчасти.

— В чем должна заключаться моя помощь?

— Думаю, понадобятся ваши знания. Как инженера.

Борков был слегка удивлен.

— Если есть криминал, то при чем здесь инженерные знания? Отмычки делать, что ли?

— Зачем же так примитивно? Я со взломщиками не вожусь.

— Не скажете же вы, что у вас там частное конструкторское бюро или подпольная фабрика.

— Нечто в этом духе,— улыбнулся Кока.

— И каковы же будут мои обязанности?

— О деталях я пока ничего говорить не буду. Плохо разбираюсь в технике. Мне важно ваше принципиальное согласие. А детали — ерунда.

— Но я-то нужен вам именно для деталей?

— Да. Но я уверен, вы как раз тот человек, который справится с делом.

Тут из комнаты, где шумело веселое застолье, выглянула Юля.

— Володька! — крикнула она.— Как не совестно? Ушли на целый час. А ну-ка кончайте курить.

— Так продолжим наш разговор после? — тихо спросил Кока, беря Боркова под руку и направляясь к распахнутой двери.

— Можно продолжить,— ответил Борков.

— Я вам позвоню на днях.

— Хорошо. Только попозже вечером...

Кока оставил компанию, когда веселье было в самом разгаре...

В четверг, 23 января, около девяти часов вечера, Кока позвонил по телефону-автомату Боркову домой.

— Я думал, вы уже отказались от своего проекта,— сказал Борков.

— Что вы, наоборот! — воскликнул Кока.— Чем больше размышляю на эту тему, тем больше убеждаюсь, что я прав.

— Узнали о деталях?

— Кое-что.

— Ну так выкладывайте.

— Это не для телефона. Могу я к вам сейчас заехать?

— Лучше бы на нейтральной почве...

— Давайте увидимся где-нибудь в ресторане.

— Сегодня не могу,— решительно отказался Борков.— Придется пить, а у нас завтра с утра ответственное совещание, нужно быть в форме.

— Когда мне вас потревожить?

— Как вам будет удобнее...

Однако через два дня, позвонив, Кока снова услышал отказ. На сей раз Борков не мог встретиться потому, что у него сидела Римма.

На протяжении января Кока сделал еще две попытки, но Борков продолжал водить его за нос. Старик уже испытывал желание прекратить бесполезные окольные заходы и взять Боркова, что называется, за жабры напоминанием о Брюсселе. Решил позвонить в последний раз, и тут вдруг Борков согласился увидеться. Он дал Коке адрес своего приятеля и сказал, что им там будет удобно все обсудить.

В назначенный час Кока приехал на Большую Грузинскую улицу, нашел нужный дом и поднялся по темной узкой лестнице на четвертый этаж — дом был старый, без лифта. Отдышавшись, надавил кнопку звонка два раза, как велел Борков. Тот сам открыл ему.

Свидание продолжалось долго и окончилось к полному удовольствию Коки.

Вначале он посетовал, что Борков напрасно тянул время, не давая согласия. На это Борков ответил:

— Хотел проверить, насколько серьезны ваши намерения. Думал, вы так это, сгоряча, а потом остынете.

Кока оценил расчетливость и здравомыслие Боркова. Он даже сказал, что Борков — вполне достойный партнер, несмотря на завидную молодость.

— Еще неизвестно, каким партнером я окажусь,— возразил Борков.— Излагайте.

Кока достал из кармана кожаный кошелек, порылся в нем и извлек золотую десятирублевую монету царской чеканки. Повертел ее в пальцах, подбросил на ладони. Кока любовался ею. Может быть, в этот момент ему вспомнилась далекая юность, бандиты на станции Татарской и тяжелый мешок купчихи, любовницы отца, недолгая жизнь среди махновцев и коварная одесская девица с французской фамилией и вологодским выговором... Наконец Кока поднял глаза на Боркова.

— Прежде всего мне нужна ваша консультация. Вот держите эту штучку. Разглядите ее хорошенько.

Борков взял монету.

— Ну, десятка.

— Вы так пренебрежительно говорите, как будто каждый день размениваете по сто золотых рублей.

— Нет, первый раз держу в руках. Какой же из меня консультант?

— Посмотрите, что там написано по торцу монеты,— попросил Кока.

Борков прочел вслух:

— Золотник, семьдесят восемь, запятая, двадцать четыре доли чистого золота. Ну и что?

— Каким образом нанесена на монету эта надпись?

Борков подумал минуту.

— Возможны несколько способов. Какой применялся в данном случае, не знаю.

— Так, так, так,— оживился Кока.— Вы знакомы с этой областью?

— Весьма поверхностно.

— Ну, а если бы вас попросили изготовить штамп?

— Это очень сложно. Нужны специальные материалы и инструменты.

— Предположим, в вашем распоряжении будет все, что необходимо...

— В домашних условиях такую работу выполнить трудно.

— Говорят, в Китае пробовали в домашних условиях варить чугун,— пошутил Кока.

— Пробовали,— подтвердил Борков,— но тем чугуном можно было только орехи колоть. Да и то земляные.

— Уверяю вас, Володя, мне известны кустари, которые на дому умеют изготовлять более сложные агрегаты. И буквально из ничего.

— У меня нет такого опыта. Обратитесь к кустарям, раз они вам известны.

Кока покивал головой.

— Да, но как раз машинку для накатки надписи на монету они сделать не могут. У вас же целый институт под рукой, там же, вероятно, есть всякие мастерские, лаборатории.

— Интересное у вас представление об институтах. Это ж не частная лавочка.

— Но подспорье для частной деятельности,— возразил Кока. Ему, как и его собеседнику, начинало надоедать это затянувшееся препирательство.— Короче говоря, я хочу попросить вас, чтобы вы изготовили штамп.

Боркова этот деловой тон также устраивал больше.

— Что я буду иметь? — спросил он.

— Ну, скажем, на автомобиль. Вам нравится «Москвич»?

Борков не ожидал, что речь пойдет о такой крупной сумме. Он сказал:

— Вы подозрительно щедры.

— Не бойтесь, в накладе не останусь.

— Сроки?

— Важнее качество, а не сроки. Но быстрее всегда лучше.

Борков закурил. Поднявшись из-за стола, взъерошил свои короткие волосы, начал вышагивать по комнате из угла в угол. Кока не мешал ему подумать.

— Послушайте, Николай Николаевич,— остановившись, начал Борков,— штамп вам нужен не для того, чтобы колоть орехи?..

— Безусловно.

— Он должен быть употреблен по прямому назначению, то есть для производства золотых монет?

— Да.

— Но зачем нужно золото превращать в монету? Ведь оно от этого не повысится в цене, а труда на чеканку придется положить немало.

— Монету можно продать дороже, чем такое же по весу количество золота.

— Настолько дороже, что чеканка рентабельна?

— Да. Иначе не нашлось бы человека, чтобы заниматься этим хлопотливым делом.

Борков снова заходил из угла в угол. Затем присел к столу.

— Ну, хорошо. Положим, я согласен. Попробую сделать машинку. На этом мое участие в вашем предприятии кончится?

— Конечно. Больше от вас ничего не требуется.

— А опробовать машинку нужно же. Вдруг она не сгодится?

— Вы получите от меня монеты и опробуете. Почему вас этот вопрос так беспокоит?

— Я не хочу иметь дела ни с какими вашими компаньонами. Это же чистая уголовщина.

Кока потрепал Боркова по плечу.

— Милый Володя, поверьте, риск совсем невелик. Вы представляете себе, какого сорта люди будут покупателями самодельных монет?

— Какие-то подпольные миллионеры, наверное...

— Именно! Так неужели вы думаете, что такой покупатель вдруг захочет сдать продавца монет в милицию? С какой стати? Да к тому же у нас частная купля-продажа золота вообще запрещена, и наказанию подлежат обе стороны.

— Все равно,— сказал Борков.— Не совсем понимаю, для чего людям, имеющим золото и желающим его продать, нужно превращать это золото в монету.

— Я же вам говорю: монета стоит дороже. И вообще штучным товаром торговать легче.

Но Кока, как всегда, говорил не всю правду.

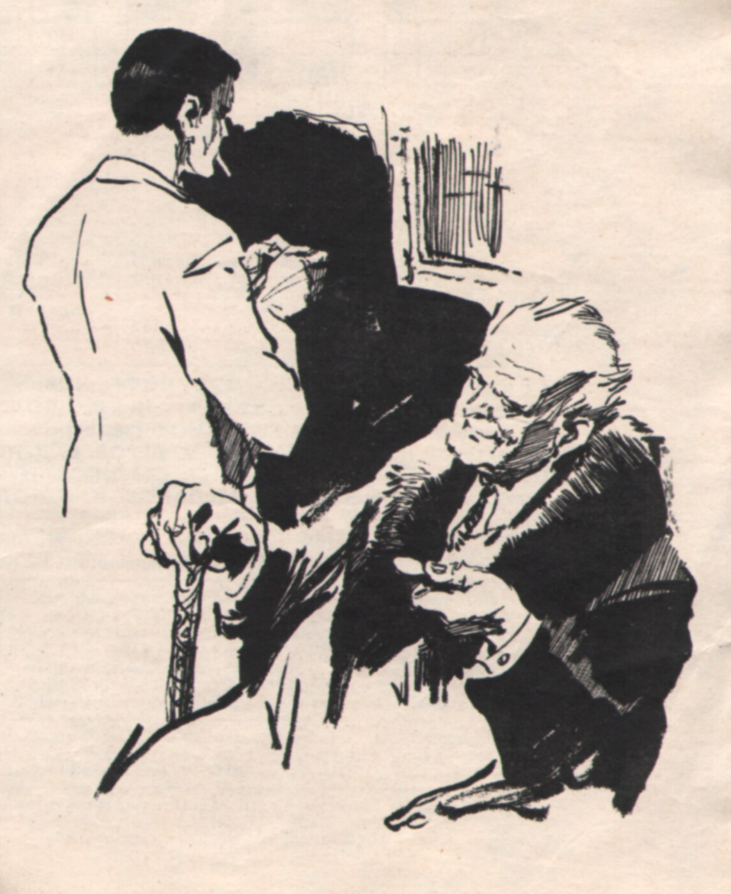
Борков попросил денег на расходы по изготовлению штампа. Кока дал ему триста рублей и еще пятьсот в качестве задатка.

Продолжение следует.

Олег **ШМЕЛЕВ**,
Владимир **ВОСТОКОВ**

Рисунки Игоря **УШАКОВА**.

По горизонтали:

3. Английский писатель, драматург. 8. Газ. 9. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 10. Название некоторых видов ив. 11. Пресноводная рыба. 16. Гимнастические упражнения на лошади. 17. Болотный бобр. 18. Ткань для пальто. 20. Итальянский мастер смычковых инструментов. 23. Выпуклая замкнутая кривая. 25. Страна в Африке. 26. Дневная бабочка. 28. Остров в Индийском океане. 31. Укрытие для выращивания рассады и овощей. 32. Крытая повозка. 33. Единица количества теплоты. 34. Курорт в Грузии.

По вертикали:

1. Мост через дорогу, овраг. 2. Часть электрической машины. 4. Город в Коми АССР. 5. Подбор заснятых кадров фильма. 6. Река в Красноярском крае. 7. Текст оперы, оратории. 12. Столица европейского государства. 13. Женский голос. 14. Переносное жилище. 15. Комедия А. Н. Островского. 19. Первообраз. 20. Жанр древнерусской литературы. 21. Автор картины «Иван Грозный и сын его Иван». 22. Медицинский работник. 24. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных пунктах. 27. Русский лингвист. 29. Водоскат в Финляндии. 30. Часть круга.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

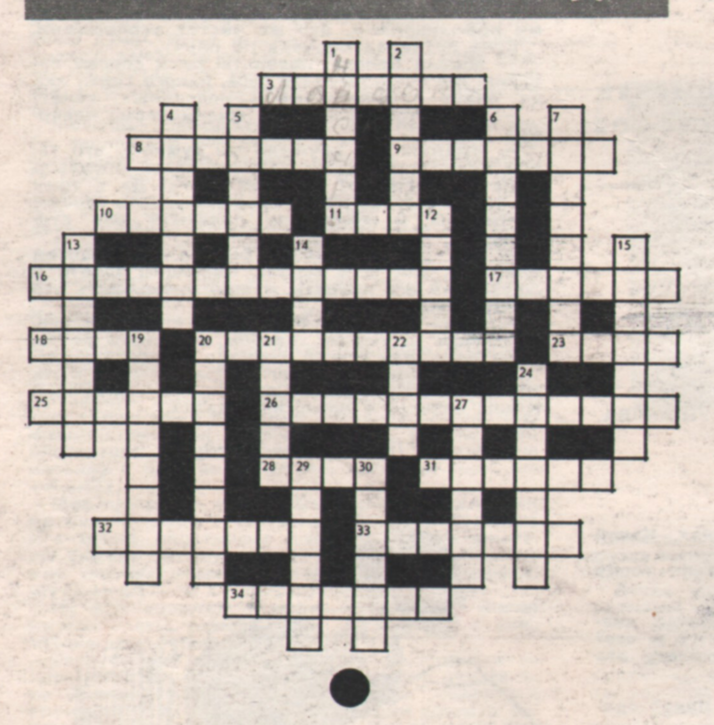
По горизонтали:

7. Эрмитаж. 8. Варлаам. 11. Динамометр. 12. Сандерленд. 13. Бостон. 14. Лобзик. 15. Плещеев. 17. Радуга. 18. Гранат. 19. Партер. 21. Гурзуф. 26. Турбина. 28. Итуруп. 30. Оселок. 31. Карикатура. 32. «Арлезианка». 33. Перигей. 34. «Портрет».

По вертикали:

1. Арифметика. 2. Белорыбица. 3. Фронтон. 4. Жасмин. 5. Сандал. 6. Каренин. 9. Брикет. 10. Ястреб. 15. Пигмент. 16. Варзуга. 20. Аттракцион. 22. Узбекистан. 23. Арагац. 24. Фиксаж. 25. Стартер. 27. Пойнтер. 29. Петкер. 30. Оберон.

КРОССВОРД

На первой странице обложки: Деталь оформления Тбилисского Дворца бракосочетания. Чеканка художника Ираклия Очиаури.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. **Оформление Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00325. Подписано к печати 8/II 1967 г.
Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 344. Заказ № 258.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

У НАС В ГОСТЯХ - ПРЕМЬЕРА!

Народный артист СССР Ю. А. Завадский.

Смотреть любую постановку из зрительного зала, когда ты спокойно сидишь против самой сцены и со всеми удобствами смотришь на актера, отдаленного от тебя провалом так называемой «оркестровой ямы», да еще приподнятого на подмостки и должным образом загримированного,— это, знаете ли, совсем не то, что видеть его с собою рядом!

При таком близком рассмотрении актер беззащитен. Он лишен многих очень важных для него приспособлений и преимуществ.

Однако моссоветовцы, когда они привезли в «Огонек» свой новый спектакль, «Они сражались за Родину», не побоялись пустить всех нас в свою творческую лабораторию.

Гости, разумеется, не могли приехать к нам в полном составе. Заслуженный артист РСФСР режиссер А. Зубов поставил пьесу П. Демина по главам шолоховского романа как спектакль монументальный, с боевыми эпизодами, большими массовыми сценами.

И тем не менее отрывки из спектакля «Они сражались за Родину» («Полк идет»), которые моссоветовцы сыграли в конференц-зале «Огонька», рассказав вначале о том, как создавалась постановка, захватили всех подкупающей искренностью и правдой.

На обсуждении спектакля выступил руководитель Театра имени Моссовета народный артист СССР Юрий Александрович Завадский, тепло встреченный коллективом.

Ю. А. Завадский рассказал, что Театр имени Моссовета уже давно задумывал сценическую интерпретацию шолоховского романа, несмотря на то, что Михаил Александрович не сразу согласился с предложением театра, говоря, что его произведения созданы для чтения. Но потом точка зрения автора все-таки изменилась. Все участники постановки вместе с режиссером-постановщиком А. Зубовым провели огромную работу, создавая новый спектакль.

— Бывают у театра такие работы,— продолжает Ю. А. Завадский,— которые особенно нелегко показывать в отрывках. Они рассчитаны на специальное сценическое воплощение, ну и, конечно, подчинены общему замыслу. Но в данном случае нам и самим интересно показать в отдельных эпизодах характеры героев. Показать людей в спорах, столкновениях, в размышлениях,— в том внутреннем росте, который свершается в людях, пусть даже незаметно для них самих.

Ваш журнал уделяет искусству большое внимание. К его мнению прислушиваются, а мы, актеры и режиссеры, не можем жить без того, чтобы не знать, как наша работа отражается на зрителях, как она ими оценивается. Я хочу верить, что мы еще не раз снова встретимся!

...Ну, а теперь премьера, как говорится, пошла и «на публике». Там она тоже встречена аплодисментами, горячими словами зрительской благодарности.

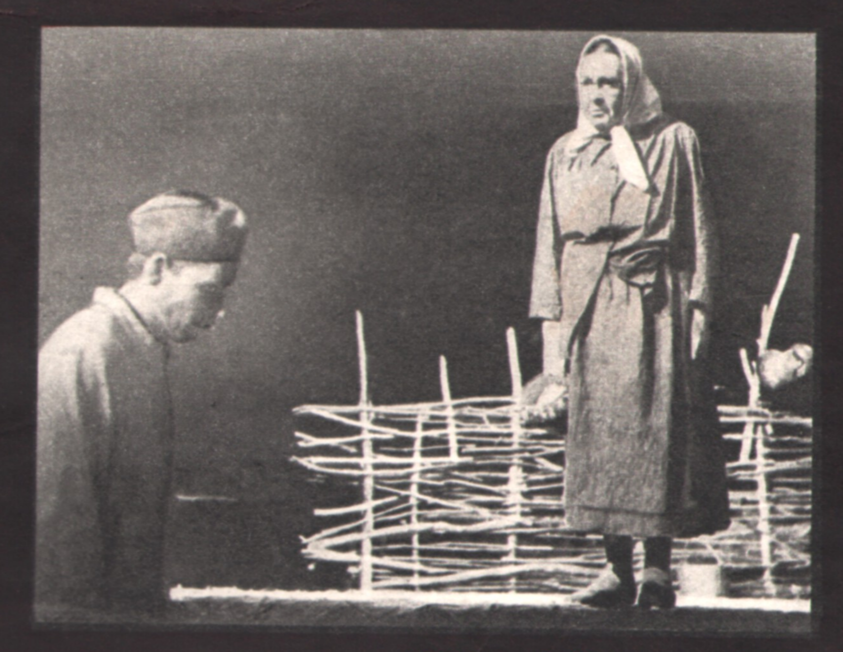
Фото А. Гладштейна и М. Савина.

Автоматчики Некрасов — Н. Парфенов и Копытовский — В. Сулимов; Лопахин — В. Отиско.

Старшина Поприщенко (в центре) — Г. Слабиняк.

Старуха — В. Сошальская и бронебойщик Петр Лопахин — В. Отиско.

Сцена из спектакля «Они сражались за Родину».

Зоя, медсестра — В. Талызина, Иван Звягинцев — Л. Марков.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663